

**ШКОЛА
РОМАНИСТА
ВАТІМ**

АПРЕЛЬ

Валерий Тимофеев

**Школа романиста
«WATIM». Апрель**

«Издательские решения»

Тимофеев В.

Школа романиста «WATIM». Апрель / В. Тимофеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851627-6

Эта книга — сборник произведений молодых магнитогорских авторов, занимающихся в основанной мною Школе Романиста. Я не руковожу литературным объединением с его потоком авторов разных, я занимаюсь индивидуально. Сам, пройдя нелегкий путь от новичка до признанного автора, в меру своих сил, опыта и знаний, помогаю тем, кто выбрал дорогу в литературу, написать свои первые произведения и опубликовать их. Что может быть более важным для автора, как увидеть результаты своего труда на страницах книги.

ISBN 978-5-44-851627-6

© Тимофеев В.
© Издательские решения

Содержание

Школа	6
Сборник произведений молодых авторов	6
Эндрю Огнёфф	7
Армия Фаусто – 1	8
Глава 1. Шахматная партия	8
Глава 2. По мороженому	13
Глава 3. Подростковый Центр	19
Глава 4. Новенькие	24
Глава 5. Беспредельщик	30
Глава 6. Встреча авторитетов	35
Глава 7. В «Центре»	40
Глава 8. Распределение квартир	46
Глава 9. Первый сигнал	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Школа романиста «WATIM»

Апрель

Авторы: Тимофеев Валерий, Казикин Андрей, Гайзуллина Флюра, Бородин Вадим, Кискин Евгений

© Валерий Тимофеев, 2017

© Андрей Казикин, 2017

© Флюра Гайзуллина, 2017

© Вадим Бородин, 2017

© Евгений Кискин, 2017

ISBN 978-5-4485-1627-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Школа романиста «WATIM»

Сборник произведений молодых авторов

Магнитогорск, апрель 2017

Когда-то при каждой районной, городской или областной газете было литературное объединение, где молодых и не очень авторов обучали литературному мастерству. Государственная система книгоиздания была построена так, что любая рукопись, даже очень сырая, подвергалась профессиональному разбору. И это тоже было элементом литературной учебы. Потому что считалось – писательский труд – наиважнейшее звено в идеологической работе. Именно от писателя зависит – каким будет показано время, какие цели и ориентиры будут обозначены в книгах. Писатель формирует сознание с самого раннего возраста. Начиная с «Идет Бычок, качается...», «Наша Таня громко плачет...» и до «Поднятой целины», «Молодой гвардии» или «Архипелага Гулаг».

Сейчас время другое. Нет руководящей и направляющей, издательства и журналы перестали писать рецензии и даже отвечать авторам, писатель выброшен на обочину жизни. Те остатки литературных объединений, которые существуют, больше напоминают кружки по интересам, утратив свою изначальную функцию – быть школой литературного мастерства.

Сам пройдя через все тернии к звездам, я и основал свою школу романиста «Watim». Я не руковожу литературным объединением с его потоком самых разных авторов. Я набираю в свою школу индивидуально и веду по этой нелегкой, но прекрасной дороге авторов от первой строки до книги, передавая им свой опыт и свои секреты.

Эндрю Огнёфф

Армия Фаусто – 1 фэнтези, детектив

Глава 1. Шахматная партия

Администрация города смотрела на реку, разделяющую город на две половины, всеми окнами своего четырехэтажного монстра. Часть окон-глаз прищурилась красавицами елями, остальные весело поблескивали в лучах весеннего солнца чистыми стеклами. Перед главным входом замощенная большими бетонными плитами площадь и двухуровневый, почти во всю длину здания, сход вниз, к тротуару и площадке для служебного транспорта, на которой бесконечной чередой стояли самые лучшие представители мирового автопрома.

Место это с чьей-то легкой руки именовали не иначе, как чертовым шабашем. И на то были свои основания.

В числе тринадцать, повторяющемся перед зданием в нескольких вариантах, скрывалось что-то зловещее.

Во-первых, количество елей. Их должно было быть четырнадцать, но каким-то образом одна, при первом мэре, засохла. Именно в это время мэр попал под уголовное дело и вынужден был срочно сваливать из города, а потом и драть из страны. На таможне в столице, несмотря на полученные гарантии неприкосновенности, его обыскали и отобрали целый полупудовый чемодан валюты и драгоценностей. Мэр отнес это не на обычную бдительность таможни, а на происки врагов, схававших деньги и сдавших его с потрохами. Из страны он не уехал – не на что, – все нажитое непосильным мэрским трудом конфисковали. Ну и заграничный паспорт отобрали, а самого посадили под подписку о невыезде.

Ель при новом мэре спилили, на ее место посадили новую.

Пришел день, и она засохла.

В эти дни второй мэр, откупившись от прокуратуры тремя миллионами неучтенных ни в одном протоколе баксов, добровольно покинул насиженное десятками собственных фирм кресло и сбежал в собственный сад, где неожиданно, до радостного покалывания в сердце, полюбил прыгать на лопате и пропалывать грядки.

Ель второй раз спилили, на ее место воткнули новую – ростом и цветом под стать соседкам.

Когда ель на одном и том же месте засохла в третий раз, все, не сговариваясь, стали с опаской поглядывать на окна кабинета мэра.

Ожидание не затянулось.

И третий мэр попал под раздачу.

Ель спилили.

Новый мэр, склонный верить в приметы, садить новое дерево не стал. Он нашел мудрое решение. Приказал для симметрии спилить ель с другой стороны от парадного входа.

Даже специалисты не припомнят такого!

Свежеспиленная ель дала росток от пня и стремительно рванула вверх, опережая своих соседок. Разветвленная корневая система обеспечивала достаточно питания веткам.

И опять елей стало тринадцать.

А работники городской администрации с этого момента все как один твердо уверовали в народную примету, и каждое утро, пробираясь на государеву службу, придирчивым взглядом ощупывали стройную зеленую красавицу – не пора ли?

Во-вторых. Площадь перед входом выложена большими бетонными плитами. И этих плит в ряду, с какого-то перепугу, оказалось ровно тринадцать.

После истории с елями, очередной суеверный мэр решил поменять облицовку на площади и наказал главному архитектору уменьшить размер плит, здраво рассудив – никто и не подумает заподозрить его в суеверии.

Но забыл мэр акцентировать на этом факторе внимание, а строители имели свои, никому не понятные цели, – они, ради большей прибыли не стали заказывать на бетонном заводе новый формат, а воспользовались имеющимся. После реконструкции площадь засияла новыми плитами с новым рисунком, но в том же пугающем количестве чертовой дюжины.

И в завершении несчастливой картины, количество ступеней, ведущих от площади вниз, тоже было тринадцать: семь, площадка, и еще шесть.

Ну как, скажите, можно работать в таких ненормальных условиях, когда изначально над твоей головой висит чертово проклятие!?

* * *

Закончив речь, Мэр, под громкие аплодисменты, сошел с трибуны, незаметно кивнул сидящим в президиуме господам и вышел в боковую дверь. Напыщенный и важный, неспешно поднялся по красной ковровой дорожке на свой этаж и вошел в кабинет.

– Что-нибудь желаете? – замер на пороге щеголеватый референт.

– Давай, стол по-быстрому накрой.

В этом слове «по-быстрому» скрыт строгий ритуал. Будут пить фужерами хороший коньяк, мало закусывать и много говорить.

– На сколько персон?

– Основной состав, – на понятном им двоим языке подсказал Мэр. – И ящики приготовь, – уже в спину, как бы между прочим, бросил хозяин кабинета.

Через пару минут на большом столе стояли две пузатых литровых бутылки привезенного из Парижа коньяка, нарезанный тонкими кружками лимон, черный шоколад и бутерброды. На стульях вдоль стены замерли девять одинаковых черных портфелей-дипломатов.

Мэр только успел снять пиджак и ослабить галстук, как в кабинет один за другим вошли те, кого называли хозяевами города. Они были важны и могущественны, и называли себя в своем кругу не по фамилиям и именам, а по кличкам, четко расставляющим их по ступеням иерархической лестницы. Мэр, Первый и Второй замы, но для простоты просто Первый и Второй, и Зять. Эти руководили и распределяли. Варм, Уоттер, Газолин энд Электро – добытчики. Через них проходили огромные финансовые потоки наличных и безналичных средств. И мистер Айс – глава законодательной власти города. Он, единственный в компании, жил под своей настоящей фамилией, указывающей на его низший статус в девятке. Айс готов был еще ниже клонить свою спину, только бы ему разрешили зваться по-другому. Он и кличку придумал, и не раз озвучивал ее в надежде – кому-то понравиться; и начнут именовать его по-своему Билль¹. Но трюк не сработал.

Референт уже разлил по фужерам янтарный напиток. Аромат терпкого винограда пополз по кабинету.

Мэр даже не выставил референта за дверь, только посмотрел на него особым взглядом и тот, пятясь, плотно прикрыл за собой двойные двери.

– Что празднуем? – не понимая вкуса напитка, залпом вылил в себя тысячедолларовый напиток Зять.

Мэр глянул на мистера Варма и кивнул ему разрешительно.

¹ Законопроект

– Наш уважаемый мистер Айс в начале отопительного сезона протащил через депутатов разумное решение. Температуру горячей воды понизили на два градуса. На маленькие, почти незаметные два градуса и вот...

Снова посыл в сторону Мэра и тот закончил спич.

– Пришло время оценить их незаметность весьма заметными суммами, – кивок в сторону дипломатов.

– Сколько там? – мгновенно вспотели руки Зятя.

– Ты как маленький! – пожурил его Первый.

– Полные?

– Естественно!

– Кому какой? – подпрыгивал и топтался на месте пухленький Зять.

– Успокойся! – с мягкостью в голосе пожурил его Мэр. – Во всех одинаковая сумма.

– Точно?

Теперь разливал коньяк Первый.

– Я дал поручение, – поднял он свой фужер. – Специалисты посчитали. Если мистер Айс проведет решением...

– Проведу! – чуть захмелевшим голосом пообещал Айс. – Все, что вам... нам надо – проведу!

– Все не надо.

– А что надо? – еще ниже поклон.

– Это по линии Уоттера, – подсказал Первый и все взгляды переместились на нового отца-кормилица. – Поднимите цену воды на десять центов.

– Bravo! – захлопал в ладоши мистер Айс. – Такой пустяк, никто и не заметит.

– А что на десять? Давайте сразу на пятьдесят! – расщедрился Уоттер.

– Но-но! – обрубил его Мэр. – Заставь дурака...

– Понял, не дурак! – выставил вперед руки Уоттер. – На десять, чтобы никто не заметил!

– Забирайте подарки, господа и в путь!

Зять, расталкивая других, первым побежал к стульям. Он схватил один дипломат, прикинул его вес, схватил другой, прикинул и, разочарованный, поплелся к себе.

* * *

Часы на башне, проиграв несколько нот похоронного гимна города, уверенно пробили пятнадцать.

Два паренька лет двенадцати-тринадцати, вприпрыжку, обгоняя и задирая друг друга, пинали пустую банку из-под газировки. Миновав площадку с плитами, добежали до ступеней и остановились.

Светловолосый, в синей футболке и синих же джинсах, поднял мятую банку и отнес ее в урну. Второй, в серой рубашке с коротким рукавом и светло-серых шортах, присел на корточки и достал из небольшого рюкзака дорожные шахматы.

Им понадобилось не более минуты, чтобы расставить по доске магнитные фигуры.

– Мои как всегда белые, – с хитрым прищуром сказал светловолосый, после того, как его напарник ударил по сжатой в кулак левой руке.

– Мои опять черные, – с легкой обидой и обреченностью признал второй.

– Почему играем, Сэм?

– Почему-почем! Как всегда, по пять баксов за партию, Том, – ответил темно-русый, обозначая серьезность своих намерений. – Сегодня мой день!

– Когда последний раз был твой день? Я что-то не припомню, – хихикнул Том.

– Сказать, какой у нас счет? – заткнул друга Сэм.

Они весело и незло переговаривались и двигали мелкие фигурки шахмат. Оба записывали ходы в тонкие блокноты простым карандашом, выдавая почти профессионалов древней игры.

Охранник в будке при шлагбауме, молча и изнывая от жары и скуки, наблюдал за мальцами с момента их появления на площадке, даже пару раз брал в руки бинокль. Бесконечно снующие туда-сюда машины отвлекали его – он поднимал-опускал шлагбаум, за неимением платка утирал пот большой серой тряпкой.

Пацанята не представляли, по его мнению, никакой угрозы общественному порядку и не заходили в зону его ответственности, к машинам клиентов. Мало того, брошенная в урну пустая банка вызвала невольную симпатию. И охранник совсем забыл про них, уткнувшись глазами в мятый журнал.

Мальчишки, балагурия, переместились так, что в поле зрения Тома был парадный вход в здание администрации, а Сэм мог одновременно видеть все крутые автомобили, разбросавшие свои автобусные салоны вдоль фонтана и гранитного парапета.

– Движение, – шепнул Сэм, делая очередной ход.

Он заметил, как водитель 570 Лексуса очнулся, схватился за телефонную трубку и, приняв сигнал, коротко кивнул. Пригладил волосы, посмотрел на себя в зеркало и завел мотор.

Из массивных дверей здания администрации повалили люди всех сортов и возрастов.

Закончилось или совещание, или какое-то массовое мероприятие.

С очередной группой вышел Варм, крупный мужчина в дорогом костюме и с черным дипломатом в руке. Борцовская шея, мощный галстук, пиджак, застегнутый на одну верхнюю пуговицу, растягивался пивным пузом. Уверенно поднятая красивая голова, надменный взгляд, две семенящие рядом длинноногие модели заметно выделяли его из общей группы.

Он на все сто выглядел Хозяином жизни.

Девушки в очень коротких юбках и невозможных каблуках, по-гусиному вытягивая шеи, поочередно и торопливо шевелили губами и держали перед лицом мужчины массивные микрофоны. А Хозяин лениво, кратко и небрежно отвечал им.

– Готовься, – буркнул Том.

Возле своего огромного, как городской автобус, Лексуса, Варм задержался на минутку.

Одна из журналисток решила испытать судьбу – задала явно не протокольный вопрос и, пораженная своей смелостью, отступила на шаг.

Хозяин враз сбросил маску ленивости и вальяжности. Он покрутил головой, высматривая – нет ли кого рядом, опустил на девушку глаза, полные нескрываемого презрения, и рыкнул:

– Пошла вон, шалава! – девушка дернулась, как от пощечины. – Я только пальцем пошевелю, и ты, вместо микрофона, всю свою оставшуюся жизнь на этом вот проспекте что-то другое во рту держать будешь!

Он рывком распахнул заднюю дверь автомобиля, зло вбросил на сиденье дипломат и скрылся во вместительном салоне.

Девушки остались на площадке, покрасневшие и с раскрытыми ртами.

Автомобиль, выворачивая, тронулся и медленно покотился к шлагбауму.

Сэм исподлобья, прищуренными глазами смотрел на завораживающую эмблему на решетке радиатора, словно хотел загипнотизировать ее.

Перед шлагбаумом автомобиль заглох. И, хотя проезд был услужливо открыт, машина не трогалась с места; только визжал вхолостую мощный стартер.

Водитель недоуменно смотрел на руль и нервно щелкал ключом зажигания. Он нажимал на педали, подпрыгивал на сидении, но двигатель от таких его стараний упорно не желал заводиться.

Лица охранника в будке и Хозяина в Лексусе почти синхронно выражали глубокое недовольство.

Водитель перестал мучить стартер, вышел из машины и открыл капот.

Сэм, казалось, через силу оторвался от созерцания эмблемы Лексуса.

– Твой ход, Том – переведя дыхание, буркнул он, а сам вернулся к игре, сделал очередной ход и взялся записывать его в блокнот.

Том так же исподлобья впился глазами в лючок бензобака. Вот его взор проник под железо кузова, пластиковую обшивку, шланги и тяги, и уперся в черный незащищенный бок бензобака.

Краска начала сереть, дымиться, побелела, появились розовые цвета, покраснела и...

Мощный взрыв ворвался в привычный уличный шум. Пламя взметнулось до четвертого этажа здания администрации, отразилось во всех его окнах и заставило сотни глаз прильнуть к их прозрачности.

Пацаны, сбитые взрывной волной, упали друг на друга, спасая шахматную партию.

Раздавались крики, кто-то завизжал. У большинства машин на парковке сработала сигнализация.

Водителя сорванным капотом отбросило на десяток метров, но не убило. Сейчас он, судорожно дергая ногами, пытался выбраться из-под железа.

А с неба сыпался дождь из целых и полубогоревших купюр.

Вся площадь пришла в движение.

Обе модельные журналистки, еще минуту назад посылавшие свои проклятия в адрес Варма, сейчас умывались горькими слезами.

Сидевший в будке в глубоком шоке охранник, наконец, очнулся и выбежал наружу, удерживая в непослушных руках красный огнетушитель. Струя пены пролетела по дуге и упала под колеса. Дальше ее мощи не хватало. Но сторож, вместо того, чтобы спуститься по своей маленькой лестнице к горящей машине, лил и лил на асфальт белоснежную массу.

Перетекающее из мимолетного страха всегдашнее любопытство подтягивало людей к месту трагедии. Многие, наклонясь и воровато оглядываясь, торопливо собирали и целые и обгорелые доллары и прятали их кто за пазуху, кто в карманы.

Глава 2. По мороженому

Мэр стоял у окна и, скрестив руки за спиной, задумчиво смотрел на горящий автомобиль. Ни горечи, ни удивления на его изъеденном оспинами лице. Только тонкие бледные губы беззвучно читали молитву.

О ком?

Об убиенном?

Или о себе?

В кабинет вкатился кругленьким коlobком разгоряченный Зять.

– Там это! – закричал от порога, но, увидев Мэра у окна, оборвал себя на полуслове.

В восходящих потоках горячего воздуха, как густой снег кружили доллары.

– Третий, – одними губами прошептал Мэр.

– Кто третий?

– Третий *наш* за последний месяц, – чуть повысив голос, напомнил Мэр.

– И что?

– Сам как думаешь?

– А зачем мне думать? – пожал плечами Зять. – Думаете у нас и за всех нас вы!

– Эх, – вздохнул Мэр.

– Я пойду, а? – просительно пискнул Зять.

– Куда!

– Ну, это, деньги же! – подпрыгивал на месте Зять. – Соберу сколь.

– Совсем большой?

– Так растащат же!

– Они твои?

– Ну... пока не мои. А вот соберу, сколь успею, и мои будут! – по-детски радостно и бесхитростно ответил Зять.

Мэр развернулся и отвесил родственнику щедрый подзатыльник.

– Понял, папа, понял, – попятился Зять. – Я к себе пошел. Честное слово!

Сэм и Том собрали рассыпавшиеся шахматные фигурки, упаковались. В паре шагов от Тома спланировала стодолларовая купюра с обгоревшим краем и лежала, горбатясь портретом президента. Мальчики даже не повернулись в ее сторону. Не поддаваясь общему настрою толпы, равнодушно покинули гудящую как улей площадь.

– По мороженому? – предложил Том, перепрыгивая через большие бетонные плиты.

– Ага, – Сэм, размахивая рюкзачком, прыгал рядом с другом. – Я с орехами и шоколадом.

– Не-а, я орехи не люблю. Я с клубникой буду. Вот такие вот красные ягоды! – Том показал на пальцах размер ягод.

– О! Я тоже с клубникой возьму! – Сэм примазался к чужой идее. – Вторую порцию.

Им навстречу спешили озабоченные люди, за спиной были сирены скорой помощи и полиции, квакали десятки автомобильных сигнализаций, но для мальчишек этого гвалта как не существовало. Спокойно, словно ничего и не произошло, мальчишки направились к ближайшему кафе-мороженому. Для них все это приключение, в котором они сыграли главную роль, было всего лишь игрой, легким заданием, чуть ли не спором – а справитесь? Справимся!

Родовались ли они своей неординарной силе?

Скорее да, чем нет.

Жалели о содеянном?

После лекции в школе и просмотренного перед работой фильма – ничуть.

Если они о чем и жалели, то уж точно не о пропущенном на площади зрелище.

– Твой последний ход был никудышным. Если бы я сходил слонем, – Том показал другу записанные ходы партии.

– Но ты не сходил, – пожал плечами Сэм. – Не о чем говорить.

– Я говорю – если бы я сходил...

– Абы да кабы! Но ты же не сходил! – смеялся Сэм. – И вообще! Эта партия не считается!

– С чего это вдруг?

– Я над последними ходами не думал, – скорчил рожицу Сэм. – Я о работе думал.

– Ну да, как проигрывать, так сразу и не считается! – поддел друга Том. – Хлызда ты!

– Ничего не хлызда! Я дело говорю! Если хочешь эту партию доигрывать...

– Хочу!

– По два последних хода отбрасываем, – поставил условия Сэм. – Согласен?

– Вот зануда, – Том со смехом толкнул друга в плечо, — В следующий раз я у тебя точно выиграю.

– Ты и в прошлый раз так говорил, – усмехнулся Сэм и напомнил. – И в позапрошлый!

Том насупился и перестал прыгать.

Пару минут они помолчали. На большее терпения ни у того, ни у другого не хватило.

Том спросил у Сэма:

– Что планируешь делать, когда вернёмся домой?

– Давай сперва поедим. Я проголодался.

– Я тоже.

Том при мыслях о еде проглотил слюну.

– Когда вернемся – с тебя партия, – ультимативно потребовал он. – Посмотрим, кто на этот раз выиграет.

– На что будем играть?

– Не на щелбаны же!

– Как всегда?

– Нет, давай за успешно выполненное дело хоть разок сыграем по-настоящему!

– А нить не станешь?

– Нет.

– На пятьдесят баксов? – смело предложил Сэм.

– Ну... – замаялся Том, – давай сперва на десять, и через десять до пятидесяти.

– Пять партий? – переспросил Сэм. – Не жирно?

– А что? Бабки у нас есть, тратить все равно некуда!

– По рукам?

– По рукам!

Сэм пожал приятелю руку.

Кафе-мороженое, куда они направлялись, находилось в паре сотен метров от администрации. Не прошло и пяти минут, как они входили в небольшой уютный зал.

– Мистер Грин! – оба мальчишки замахали руками, приветствуя приподнявшегося из-за стола мужчину лет тридцати, в легкой рубашке и в бейсболке.

Мужчина улыбнулся им.

– Отлично справились! – похвалил он их, когда Том и Сэм опустились в уютные кресла. –

Ну, заказывайте, все что хотите.

– Все-все?

– Конечно! Заслужили...

– Ух ты!

– Класс!

Мальчишки с блеском в глазах принялись выбирать блюда, только теперь ощутив, как они проголодались. Они ели, разговаривали с полным ртом и смеялись. Том запивал молочным коктейлем, а Сэм опустошал вторую по счету баночку с колой.

– Мистер Грин, а вы играете в шахматы? – спросил Том, отваливаясь.

– Конечно, – улыбнулся мужчина, – Хочешь вызвать меня на поединок?

– Хочу!

– Прямо здесь?

– Ну, одну партию! – выпрашивал Том.

– Долгонько, – покачал головой мистер Грин.

– Блиц! – предложил Том. – У нас же есть время?

– Хорошо, – разрешил мистер Грин, – блиц так блиц. Но только одну партию!

Он, с момента появления ребят в кафе, время от времени бросал цепкие взгляды на их лица, словно искал какое-то неприметное пятнышко.

Возбужденный Том освободил место на столе, поставил тарелка в тарелку, склонился к своему рюкзаку за шахматами, но, вместо того, чтобы раскрыть его, начал безвольно валиться вперед.

Мистер Грин за секунду почувствовал беду; он успел подхватить Тома и усадить в кресле. Без суеты и резких движений осмотрел зрачки Тома, пощупал пульс и надавил на основание ногтя.

Том не прореагировал на болевую точку.

– Перегрелся? – не сколько спросил, сколько предположил Сэм без малейшего беспокойства.

– Обычное дело, – ответил мистер Грин без суеты и волнения в голосе. – Естественная реакция на препарат. Укол поставим, отоспится и к утру как огурчик будет. Ты сам-то как?

– Вроде нормально, – прислушиваясь к себе, ответил Сэм. – Голова немного кружится.

– До машины дойдешь? – спросил, заглядывая в глаза Сэма.

– Да вы что, мистер Грин! – хорохорился парнишка. – Я – нормалек!

– Надеюсь, что так.

Мистер Грин достал из кармана футляр для очков, раскрыл его. Внутри был тонкий шприц и ампула с резиновой закатанной крышечкой. Он набрал в шприц жидкости и сделал укол Тому в руку.

– Ты точно в порядке? – кивнул он на футляр. – А то давай, для профилактики.

– Я скажу, если надо будет.

Мистер Грин прибрался, оставил на столе деньги, помахал рукой девушке-официантке, – та поспешила к их столику. А они с Сэмом подхватили под руки Тома и вывели из кафе.

Рядом стоял припаркованный автомобиль клиники. Сэм помог устроить Тома на заднем сидении, уселся рядом, бережно опустив голову друга себе на плечо, и машина, взвизгнув колесами, тронулась с места.

В нескольких кварталах от центра города, в районе старой малоэтажной застройки, среди густой зелени была территория бывшего интерната. Новая вывеска на проходной кратка и лаконична: «Подростковый Центр».

К этой проходной через четыре минуты после старта от кафе подъехал мистер Грин. Он, не глуша двигателя, забежал в комнату охраны, по внутреннему телефону коротко сообщил.

– Синий код, номер один, – и тут же вернулся за руль.

Механизм тревоги был запущен.

Машина проехала вдоль учебного и жилого корпусов, обогнула примыкающий к ним спортивный зал, сбавила ход у клиники и, не останавливаясь, въехала по закругляющемуся пандусу в распахнувшиеся двери.

Здесь их уже ждали.

Два санитаря переложили Тома на каталку и увезли его в ожидавшую кабину лифта.

Мистер Грин передал ключи от машины дежурному, а сам, вместе с Сэмом, прошел в стеклянную дверь.

– Придется вам в другой день доиграть вашу партию, – сказал он, похлопывая Сэма по спине. – Давай, на процедуры и отдыхать.

Он завел Сэма в сверкающую белизной палату, передал на руки дежурному ассистенту.

– Что с Томом? – спросил Сэм у мисс Крейд.

– Кто из вас был первым номером?

– Том, – не раздумывая, ответил Сэм.

– Так что ты хочешь! Не справился с дозировкой, отдал слишком много энергии, вот и перегорел.

Мисс Крейд разговаривала с Сэмом и одновременно выполняла рутинную работу: сняла с него рубашку и шорты, уложила на кушетку, подключила к запястьям и груди несколько датчиков и вывела на экран показания приборов.

Мальчик привычно следовал безмолвным указаниям мисс Крейд: он поворачивался, помогал освободиться от одежды, подставлял руки и ноги под зажимы и присоски. Он уже сбился со счета, сколько раз проходил через эту рутинную «чистку». Без страха и пожеваний подставил руку под укол, и, когда ему ввели в вену препарат, послушно закрыл глаза.

– Отдыхай.

– Мы с мистером Грином думаем, что у него обычное переутомление, – успел сказать мальчик, погружаясь в сон.

– Ну, если вы с мистером Грином оба так думаете, – погладила его по волосам мисс Крейд, – значит, так оно и есть.

Сэм спал.

А мисс Крейд, укрыв его простыней, переключила на приборе клавишу в положение «Передача данных» и отправилась в лабораторию.

Здесь обстановка была напряженнее.

Том уже лежал под простыней без одежды. Все его тело было облеплено датчиками, на носу зажим, а в рот вставлена белая гофрированная трубка.

На экранах отражались данные давления, пульса, мозговой активности и еще с десятков строк с цифрами и вереница синусоид графиков.

Мальчик не дышал, аппарат искусственного легкого выполнял за него эту функцию. От стойки капельницы тянулась тонкая трубка к его локтевому сгибу.

– Как он? – шепотом спросила у мистера Грина Крейд, считывая показания приборов.

– Ввели в искусственную кому, – так же шепотом ответил Грин.

Доктор Фаусто, стреляя глазами с экрана на экран, колдовал над приборами, настраивал их и щелкал клавишами компьютера.

– Мисс Крейд! – не поворачиваясь, сказал он. – Два кубика ноль четвертого, пожалуйста. Внутривенно. Через час еще один укол. Дозировка та же. И дальше, до пробуждения, работаем по схеме.

Без раскочки и промедления мисс Крейд встала к лабораторному столу.

– Очень большая доза, – осмелилась напомнить она, орудуя шприцем и ампулами.

– Как я понял, – сказал мистер Грин, помогая Крейд готовить препарат, – Тома утилизируем?

– Так надо, – с нажимом на слово «надо», подтвердил Фаусто. – Он уже не восстановит в полном объеме своих способностей.

– Жаль мальчика, – сорвалось у мисс Крейд.

– В чем наша ошибка, доктор? – мистер Грин принял слова Фаусто упреком себе.

– Ошибка не ваша, – успокоил их доктор, – ошибка деблокиратора. Доза была большой, а Том по неопытности сам не справился с дозировкой энергии посылы.

– Я плохо ему объяснил?

– Оставьте, мистер Грин, ненужные терзания, – чуть резче сказал Фаусто. – Мы работаем, можно сказать, с колес.

– Я понимаю.

– У нас нет времени и возможностей выверять каждый шаг, каждый посыл. Ясно, что мальчик чуть поспешил, или расстояние было больше допустимого. Одним словом, – сжег себя.

– Я так и предполагала, доктор, – сказала мисс Крэйд. – И я вас предупреждала о возможных последствиях.

– Не трудно было догадаться и без ваших предупреждений, – покачал головой доктор. – Это у нас, как вы знаете, третий случай за месяц.

– Все-таки индивидуальный подбор дозы надо вывести на первое место, – предложил мистер Грин.

– И тут дело вовсе не в весе и возрасте, – гнул свое Фаусто.

– Я настаиваю на продолжении моих опытов, – возразила мисс Крэйд.

– А разве я вам что-то запретил? – вскинул брови доктор.

– Вы – нет, – топнула ножкой мисс Крэйд. – А вот мистер Грин сомневается!

– Я? Господь с вами, дорогая! Я только прошу вас при определении дозировки перенести центр тяжести на индивидуальные данные.

– Успокоились? – спросил Фаусто. Ему ответили молчанием. Разница лишь в том, что мистер Грин улыбался, а мисс Крэйд плотно сжала губы и нахмурила брови. – Работаем!

– Куда его теперь?

– Через два-три дня узнаем, – спокойно ответил доктор. – Надеюсь, осложнений на мозг не последует.

– Если мы все равно решили утилизировать Тома, – вновь ввязалась в спор мисс Крэйд, – может, нам стоит уменьшить дозу?

– Я хочу попробовать минимизировать потери, – доктор твердо стоял на своем.

– И потому так рискуете, что вдвое увеличили дозировку? – съехидничала мисс Крэйд.

– Крэйд! – одернул ее мистер Грин.

– Клин клином, – несколько не обижаясь, напомнил доктор поговорку. – Успокойтесь, мисс Крэйд. Я беру всю ответственность на себя. Навредить больше мы вряд ли сможем. А вот вернуть мальчика хотя бы на второй уровень... почему бы не попытаться?

– Но еще никто не возвращался так высоко! – чуть не в голос вскрикнули Грин и Крэйд.

– И очень печально. Каждая потеря для меня – лишние бессонные ночи.

Это было действительно больно.

И доктор, и его помощники старались избегать в разговорах щекотливой темы. Неизбежные потери на стадии отработки препарата, – без этого не бывает открытий. Это можно там, наверху использовать в качестве аргумента, когда бездушные отчеты сдаешь. А здесь, когда каждый твой пациент близок тебе почти как сын, брат или лучший друг, как здесь относиться к неудачам? Какое каменное сердце надо иметь, чтобы вот так вот просто, одним коротким словом решить дальнейшую судьбу ребенка: утилизировать?

В лаборатории слышно было лишь ритмичное попискивание приборов да уханье аппарата искусственного дыхания.

– Хорошо, доктор, – сдалась Крэйд. – Я все сделаю, как вы сказали.

– Спасибо, мисс Крэйд. – доктор встал из-за компьютера, расписался в журнале назначений и захлопнул его. – Сэм? – вдруг вспомнил он.

– Пока никаких последствий, кроме внутричерепного давления.

– Превышение большое?

- Нет, несущественное. Я ввела сыворотку.
 - Что бы я без вас делал, мисс Крэйд, – улыбнулся доктор.
- Мисс Крэйд и мистер Грин вздохнули облегченно.
Если доктор Фаусто находит в себе силы улыбаться, все будет хорошо.

Глава 3. Подростковый Центр

Эта территория интерната, как и все расположенные на ней здания: – школа, жилой корпус, спортивный зал с обвалившейся крышей, гараж на две машины, принадлежали когда-то Министерству образования. Здесь жили и учились дети из прилегающих к городу бесперспективных сел, в которых позакрывались свои школы.

Когда в городской казне закончились деньги, интернат быстро пришел в запустение. Детей оказалось выгоднее возить на занятия на автобусах, перевалив финансовые заботы о них на сельские администрации. А комплекс зданий попытались продать с молотка.

Условия торгов, по которым за помещениями должен сохраниться статус учебного заведения, огромные средства, необходимые для восстановления объекта, отпугивали покупателей, и цена лота очень скоро стала равна цене забора вокруг интерната.

Казалось, теперь точно лакомый кусочек приберут к рукам люди, близкие к власти. Но никто не спешил заявлять своих прав.

Тогда и появился этот Благотворительный фонд, с учредительным капиталом, равным стоимости комплекта мебели для кабинета директора. Некий доктор Грегори Фаусто, значилось в учредительных документах, и был этим директором для мебели и единоличным хозяином фонда.

– Подставная фигура, – посчитали чиновники, оценивая неказистую фигуру доктора, его старенький потертый костюм и вихляющую походку. Меряя ситуацию под себя, они единодушно решили.

– Истинных хозяев комплекса зданий не станет выпячивать никто.

Впрочем, до поры до времени, это никого особо не волновало. Главное, что намозоливший городским властям глаза интернат скинули с баланса, соблюли условия торгов и государственные интересы. А фонд, заявивший о создании приюта для бездомных и обездоленных детей, не просит денег у городского бюджета.

К удивлению Мэра, и в подтверждение догадок о скрытых и богатых инвесторах, за оставшиеся до начала учебного года месяцы совершилось чудо. Все корпуса качественно отремонтировали, провели реконструкцию, и теперь прежний обшарпанный интернат было не узнать.

Трехэтажную школу перепланировали. На третьем этаже вместо классов сделали просторные спальни на два человека в каждой. Тут же два отдельных люксовых номера для преподавателей и комнаты для подготовки уроков и досуга.

Второй этаж – четыре кабинета для школьных занятий, крыло для внеклассной работы и еще два номера для преподавателей.

Первый этаж – просторная столовая, зал собраний, хозяйственные комнаты.

Спортивный зал так же перекроили, и теперь здесь появился небольшой бассейн и сауна. Обновили и расширили гараж.

А вот бывший спальный корпус, соединенный со школой переходом и оказавшийся лишним, стал клиникой. Точнее, клиникой стали первые два этажа. На третьем жилая зона персонала и гостиница для гостей.

Оборудованию, каким были оснащены два этажа клиники, позавидовали бы все больницы города. Но, так как в этот центр город не инвестировал ни копейки из своих средств, оставалось только мечтать и надеяться, что когда-нибудь и им, избранным, удастся проверить на себе новейшие достижения мировой медицины.

Накануне первого сентября доктор Фаусто самолично прикрепил к будке на проходной большой прямоугольный щит, на котором была короткая, но лаконичная надпись:

«Подростковый Центр»

Ниже, небольшой прямоугольник с внутренней подсветкой, предупреждал любопытных:

«Частное владение. Охраняется законом. Вход запрещен»

В короткие сроки был отобран коллектив педагогов, причем с каждым из них доктор Фаусто провел личные беседы и какие-то медицинские тесты. Оговоренные в контракте в графе «заработная плата» цифры навсегда сняли вопрос о нераспространении служебной тайны.

Все будущие сотрудники клиники появились в один день. Их встретили прямо в аэропорту, привезли в закрытом микроавтобусе и поселили в квартиры на третьем этаже клиники.

А основной свой контингент Центр набрал через полицию, приюты и спецприемники.

Самые трудные подростки, не признающие никакого авторитета, законов, заборов и любых методов воспитания, такие, от которых отказывались все на свете – были собраны здесь.

Тридцать человек.

От двенадцати лет и старше.

Месяц карантина, медицинское освидетельствование, излечение от болезней беспризорного образа жизни, усиленное питание – и опрятные и вежливые мальчики и девочки заполнили спальни, учебные классы и территорию Центра.

Всех: полицию, органы опеки, педагогов города сводил с ума один вопрос. Как так? Ни одного побега, ни одного нарушения общественного порядка со стороны воспитанников, ни одной жалобы со стороны воспитателей и педагогов! Каким таким секретом уговоров владеет этот загадочный доктор Фаусто?

И только те, кто работал и жил на этой закрытой территории, знали истинную причину таких перемен не только в поведении подростков, но и самих преподавателей.

На протяжении первого месяца знакомства доктор Фаусто, для всех без исключения: преподавателей и детей, воспитателей и нянечек, и даже водителей и сторожей ежедневно читал по одной лекции на самые, казалось бы, безобидные темы.²

Он не открывал Америк, не поражал их воображение новыми знаниями. Он просто беседовал о жизни, рассказывал множество веселых и поучительных историй. Но через месяц все его слушатели имели совершенно иное мышление, иной взгляд на окружающий его мир. И четкую установку: с сего дня самое большое наказание, которое существует в Центре у доктора Фаусто и на земле вообще: в двадцать четыре часа собрать вещи и навсегда покинуть территорию этого замечательного Центра. И, упаси вас боже, распустить язык

Разговоров о богатом фонде, вернее, о стоящих за ним людях, было много. Естественно, власти решили навести справки и разобраться со щедрыми инвесторами, – а нельзя ли их немного пощипать на благо, так сказать, родного города.

Доктор Фаусто скромно выслушал скользкие намеки чиновников, обещал передать просьбы «туда» – при этом его глаза вылезли из орбит и поползли кверху, а указательный палец ткнул в высокий потолок, и удалился, раскачивая тяжелыми бедрами. И... казалось, забыл о важном разговоре.

Главный по государственной безопасности всего города, начальник полиции и даже прокурор принялись в спешном порядке собирать сведения о непонятливом докторишке.

Что они накопили, остается тайной за семью печатями, но от доктора и от его фонда с корыстными просьбами отстали навсегда. А его Центр превозносили как образец. Всегда можно было, с согласия доктора, конечно, привезти сюда какого-нибудь заезжего гостя или комиссию, и пустить пыль в глаза ухоженностью, порядком и вышколенным персоналом.

По городу поползли порой невероятные, но все равно полезные для доктора и его заведения слухи.

Кто-то, где-то, по особому секрету узнал, что Грегори Фаусто был не совсем рядовым врачом, а врачом, помешанным на психиатрии и безнадежно сжигающим свои еще не старые годы

² Метод Г. А. Шичко

в неблагодарной работе с трудными подростками. Выяснилось, что у него была собственная лаборатория в секретном подразделении то ли университетского города N, то ли города военного городка M. Потом он семь или восемь лет работал в Индии, где проводил строго засекреченные армией исследования, и даже запатентовал какую-то полезную микстуру. А недавно вернулся в родной город и пошел работать не в лучшую в городе клинику, куда его могли взять с руками и ногами, а учредил собственный фонд.

По-человечески понятно: возраст, ностальгия, в один год умерли любимые родители, сыновний долг и привязанность. Но такие вещи в нынешнем обществе не в моде. Сейчас деньги в моде, а еще больше в моде деньги, облеченные властью.

Или он заработал капитал на своем старом месте, или финансовый вопрос его не очень волновал, – ведь ясно же, в фонде много не заработаешь, – но он раз за разом отказывался от выгодных предложений.

Правда, в последнее время, не очень охотно, и только по просьбе очень важного человека из властных структур, согласился позаниматься частной практикой.

И тут, как показалось расчетливым обывателям, без особой корысти.

Чем же был замечателен доктор Фаусто?

Он лечил головы.

От накопившегося там мусора.

Мигрени, всплывающие боли, утомление, плохое настроение и дискомфорт. Даже посттравматический синдром от измены супруга.

У этих недугов было две особенности.

Болели ими, как правило, очень обеспеченные люди. И в большинстве случаев это были дамы.

Доктор Фаусто, как хороший психолог, дабы повысить свой авторитет или просто отмахнуться от навязчивых клиентов, установил строгую очередность на прием. Не более одного пациента в день. Время приема – ровно тридцать минут. И, в этом же русле, назначил неизменно высокую плату – тысяча баксов за полчаса общения.

И все же он, рассчитывая такими жесткими условиями отпугнуть народ, глубоко просчитался.

Или деньги его пациенты не привыкли считать, или польза от приемов была настолько очевидна, часы приема были расписаны на полгода вперед. Многие дамы просто арендовали для себя все понедельники, или среды, внесли авансом полную стоимость приема за эти самые полгода вперед и зажили счастливой жизнью, время от времени уступая своё ложе в кабинете доктора кому-то из своих товарок и получая за это немалые преференции.

Доктор Фаусто не был бы великим психологом, если бы не оставил в своем плотном графике маленькой лазейки. Не чаще двух раз в неделю, по звонку трех своих самых именитых клиенток, он соглашался послушать внеплановую грустную сказку, за двойной, естественно, тариф, и тем самым вселил в умы жаждущего личного общения с ним населения вечно не угадывающую надежду.

– Мадам Рита поднимается, – доложила давнишняя секретарша доктора миссис Ханна.

– Разве уже девятнадцать? – оторвался Фаусто от тетради с расчетами.

– Да, доктор, без семи минут. Прикажете проводить в приемную?

– Проводите.

– *Её* чай, доктор?

– Да, как всегда.

Фаусто убрал свои записи в сейф, пошарил внутри и нажал на кнопку. Короткий зуммер сообщил – сигнализация включена. Он доверял своим людям, но эти записи... Они слишком ценны, чтобы полагаться на людскую честность. Фаусто знает – у каждой честности и порядоч-

ности есть своя цена. Для одного она равна десяти тысячам, для другого миллиону. Здесь же, в этих тетрадах, сокрыто в сотни раз большее богатство.

Доктор с удовольствием отложил бы этот прием на другой день, все его внимание было там, на страницах тетрадей. Он уже двое суток практически не спал, выискивая ошибку, которая привела к кризу очередного его солдата. Каждый раз, внося изменение в формулу, он думал:

– Ну, теперь-то уж точно продержится.

И каждый раз после задания приходится утилизировать еще одного.

Он принял таблетку. Через тридцать секунд она начнет действовать, – от дурманящего сна и усталости не останется следа.

Там его ждет мадам Рита. Молодящаяся жена вице Мэра города, или, как его называют в тесном кругу – Второго, и любовница самого Мэра. Семейные отношения, круговая порука. Этот секрет тщательно хранился всеми заинтересованными сторонами, но, с некоторого времени в этом городе для доктора Фаусто не было закрытых комнат, а тем более спален.

В приемный кабинет он зашел бодренько, с широко раскрытыми объятиями.

– Милочка! – так он называл всех своих пациенток. – Прекрасно выглядите!

– Это макияж, доктор!

– Не говорите так, мадам Рита! – балагурил доктор. – Мы, врачи, такие циники! Мы, поверите ли, определяем здоровье пациента по таким вещам, о которых в приличном обществе даже говорить как-то неловко!

– Например? – загорелись глаза мадам Риты.

– Ну... – ушел со скользкого продолжения доктор, – начнем с очевидного! Ваши глаза!

– Что же здесь постыдного! – жеманно повела плечиком мадам Рита.

– Это я вообще, о наших, так сказать, исследовательских методах!

– И что вы можете мне сказать по моим глазам? – потянулась к доктору пациентка.

– Сегодня?

– Сегодня, конечно же!

– По вашим глазам... я могу сказать... – Фаусто намеренно затягивал с ответом, кружась вокруг большого кресла мадам и разглядывая ее лицо. – Кстати, ваш чай! – вспомнил он и подал полупустую чашку.

– Спасибо, я уже глотнула, – сказала она, но чай взяла. – Так что не так с моими глазами?

– Ваши глаза, милочка, – доктор зашел со спины, провел руками по волосам и опустился на шею. Его нежные чувствительные пальчики погладили подбородок, ухоженную шею, остановились на ключицах и методично поглаживали их, слегка проникая под косточку.

Это волшебное движение тут же отозвалось результатом. Глаза мадам закрылись от прикосновений, веки подрагивали, рот чуть приоткрылся.

– Я вижу, – медовым голосом шептал доктор, – как не более часа назад... ой, что это я!.. не более получаса назад из этих губок... из таких замечательных губок вырывался... – доктор красиво выдержал паузу и выпалил, – стон наслаждения.

– Что? – подпрыгнула в кресле мадам.

– Не надо нервничать, милочка, – вернул ее в полулежачее положение доктор и, для верности, надавил на плечи руками. – Я же сказал вам, мы – врачи, можем видеть невидимое.

– Но откуда... как вы узнали, доктор? – мадам не боялась разоблачения, мадам скорее хвалилась перед Фаусто своим фривольным поведением и недавним оргазмом. Она и ему не один раз намекала, что готова во время сеанса не только слушать его речи, но и делать что-то большее.

Доктор принял из рук мадам чашку, убрал ее на столик и, вернувшись, приблизил свое лицо к ее шальным глазам.

– Вы заставляете меня, как Шерлока Холмса, раскрывать свои простые секреты, – приятно улыбнулся доктор.

– Но я же женщина! – кокетничала мадам Рита. – Любопытство родилось раньше меня.

– Хорошо. Секрет номер один. – Фаусто легко, одними подушечками провел по коралловым губам. – Ваши милые губки, мадам, до сих пор хранят сладкие следы ваших прекрасных зубок.

Рука мадам невольно коснулась губ, выдавая ее с головой.

– А запах из вашего рта, – демонстративно потянул носом доктор, закрывая глаза, – ни с чем нельзя перепутать. Вот и весь мой секрет!

– Что, правда? – прикрыла она рот рукой.

– Да-да, – потрепал ее по щеке доктор.

– Думаете, муж может догадаться?

– А вы перед тем, как к мужу идти, чай или кофе попейте, можно шоколадом закусить. И все пройдет, – доктор почти насильно всунул в руку мадам Риты чашку с последними глотками чая.

– Спасибо! – на этот раз она прополоскала рот.

– Я, милочка, ничего не имею против, если жена немного обманывает своего мужа. Она же умная женщина и не станет вредить себе? – заглянул он в ее глаза. – Ну-с, приступим к нашему сеансу.

– Да, доктор, я готова.

– Расскажите, что волнует вас?

– Сын!

– У вас, насколько я знаю, два сына? Младший или старший?

– Нет-нет, доктор, только старший! Он совсем от рук отбился!

– Я слушаю вас! – доктор сидел на стуле рядом с креслом мадам и делал легкий массаж ее стоп.

Это так приятно! Тепло медленно разливается по ногам, наполняет негой и покоем, покачивается на волнах.

– Я уже несколько раз говорила с ним. И муж тоже говорил. Он не слушает нас. Компанию собрал, наркотики, рестораны. Учебу бросил, работать не хочет. Отец ему завод отдал, думал, интерес проявится, коллектив, управление. Ничего подобного.

– Молодость преходяща.

– Тут вот что, доктор... У них игра, гонять по ночному городу и пугать людей. Я боюсь, он когда-нибудь плохо кончит.

– Что с ним может случиться?

– Из-за него уже столько аварий. Есть даже... Ну, вы понимаете! Когда-то это может и с ним произойти?

– Когда-то может, – повторил доктор. – Спим... мы спим... все тревоги уходят из вас... оставляя тепло и спокойствие...

Тело мадам обмякло, голова чуть-чуть повернулась вправо и маленькая капелька слюны, поймав свет от лампы, выступила в уголке губ.

– Спите, спите, мадам Рита, – проговорил доктор, поднимаясь. – И рассказывайте обо всем, что вас тревожит. С именами, датами и цифрами.

Доктор включил запись и отошел к окну.

Глава 4. Новенькие

На этой обширной территории размещалось несчетное количество ларьков и магазинчиков, складов, торгующих оптом и в розницу, торговых закутков, кафе-столовых с любой национальной едой: от вьетнамо-китайской с их неповторимой экзотикой, до арабо-турецкой с веселой музыкой и обязательной танцовщицей. Были здесь притоны для любителей травки и кальяна, подпольные казино и тесные каморки для взрослых развлечений.

Восточный рынок в центре Европы.

В кажущемся бедламе, в вечной неразберихе был свой строгий порядок.

Его, этот строгий порядок, беспризорники впитали через свои спины. Когда позарились на, казалось бы, безалаберно брошенную тележку и взяли с нее коробку с кроссовками.

– Какой размер? – шепотом спросил тот, который стоял на стреме.

– Большой, блин! На мужика.

– Перепродадим, – уверенно сказал первый.

– Перепродадите, – эхом повторило над головами и их обоих, за шкурки, привели к Хозяину товара.

Они приготовились к самому худшему.

Хозяин, полный бородатый мужчина в полосатом халате, сидел на большом как кресло тюфяке с товаром и пил из пиалы зеленый чай. Перед ним на другом тюфяке был накрыт стол: разложенные по вазам и тарелочкам орехи, изюм разных цветов и размеров, курага, сушеные фрукты, лепешки и мясо и много чего еще.

Поймавший мальчишек торговец сказал что-то на своем языке. Хозяин молча выслушал, кивнул ему и взмахом пальцев отпустил.

– Голодные? – догадался он. – Угощайтесь! Я, когда маленьким был, всегда есть хотел. – Голос его был ровный и гортанный, пацаны сразу догадались – не играет он с ними. – Налей, Ахмет, мужчинам чай.

Когда голод был утолен, Хозяин поставил пиалу на укрытый ковром импровизированный стол и опять заговорил.

– Видел я вас несколько раз. Все вдвоем ходите. Но, вижу, не братья?

– Не братья.

– Дома нет? Мамка-папка нет?

– Нет.

– Я ведь до двадцати лет босым ходил. Халат такой рваный, половину прикрывает, другая половина кожей светится. Как у Хаджи Насреддина. Знаете такого?

– Читали.

– От безысходности со скалы головой вниз броситься хотел. Спасибо, Аллах уберег. Ума в голову надул. Теперь вот тут. Какой-никакой Хозяин.

Он взял из вазочки горсточку орехов, пожевал.

– Воровать нехорошо. Не перед людьми, перед Богом. Там все видят, и обязательно накажут. Но... я вас ругать не буду. Это не вы воровали. Это голод в вас сидел и чужое братья заставлял.

– Да, да, – закивали мальчишки, понимая, что бить их не будут.

– Я вас к себе возьму, – хлопнул Хозяин в ладоши. – Обую в настоящую обувь, одену красиво, накормлю...

Так началась их первая работа за кусок хлеба.

– Мистер Грин? – журчал в трубке сытый говорок. – Лейтенант Робсон из тридцать седьмого отделения! Вас тут парочка бедолаг дожидается!

– Возраст?

– Ваш, ваш контингент! – уверял, добродушно посмеиваясь, Робсон.

– Хорошо. Через полчаса буду, – поблагодарил мистер Грин.

Его машина пересекла весь правобережный район города и остановилась перед пристроенным к высотке панельным двухэтажным домом. Здесь располагался самый большой из трех районных отдел полиции.

Миновав дежурного, мистер Грин сразу прошел в кабинет лейтенанта.

Робсон ждал Грина. И не просто ждал, а вышел навстречу и двумя руками долго тряс протянутую руку.

С полгода назад они с женой уже подали в суд документы о разводе. Вернее, подала документы жена. Она выгнала мужа из дома, выставив на порог небольшой чемоданчик, в котором и уместиться-то могли только несколько пар нижнего белья, носки да бритвенные принадлежности.

– А рубашки? А костюм? А деньги? – растерянно стоял у двери на виду у любопытных соседей посрамленный лейтенант.

– Ты людей обираешь? Взятки берешь? – нарочито громко кричала она. – Вот и купишь себе новое.

– А старое?

– А старое я на помойку выброшу, – пригрозила миссис Робсон. – И всю твою коллекцию значков выброшу!

И он ретировался, посрамленный, и кожей чувствовал, как в спину бьют десятки глаз, полных нескрываемого презрения.

Миссис Робсон категорически отвергала любые разговоры о примирении, ни напрямую, ни через адвокатов полицейского.

Ей достали счастливый билет – получасовой прием у доктора Фаусто. Конечно же, мистер Грин постарался.

С тех пор мир и счастье воцарились в доме Робсонов, а сам лейтенант оказывал Центру маленькие услуги, считая себя по гроб жизни должником великого чародея.

На столе рядом с чашкой кофе и вазой с фруктами лежали две тонкие папки.

– Опять попались в наши сети, – усмехнулся лейтенант, приглашая мистера Грина к столу.

– Много беспокойств?

– Я привык, знаете ли, чтобы на моем участке был порядок, – выпятил грудь Робсон.

– У вас самый спокойный район в городе, господин лейтенант, – похвалил мистер Грин.

– Стараюсь, стараюсь, – напыжился Робсон. – А такие вот бродяжки, – ткнул пальцем в папки, – так и норовят подпортить мне отчетность.

– Ограбили кого-то? – мистер Грин пил кофе и только проследил за пальцем лейтенанта, к папкам же до сих пор не прикоснулся, чем сбил с толку офицера.

– Нет! – махнул рукой лейтенант. – Они до такого еще не доросли. Или не скатились! Ха-ха! Но попрошайничать, доставлять неудобства уважаемым горожанам? На моей территории! Да вы посмотрите на них! – и он насильно сунул папки в руки мистера Грина.

Грин бегло пролистал страницы.

«Лайм, 14 лет, данных о родителях нет. Место рождения не установлено. Грамотен, пишет без ошибок... Приводы... длинный перечень... определен в приют... в интернат... в трудовой лагерь... побег... побег... побег».

«Утр, 14,5 лет, сирота... появился в городе полгода назад. Место рождения неизвестно. Сирота». И та же вереница приводов, распределителей и побегов.

– Они сами по себе или друзья? – задал профессиональный вопрос мистер Грин.

– Последнее время всегда вместе, – рассказал Робсон. – В нашем обезьяннике познакомились. А до этого даже не знали друг друга.

– Это, получается, вы их свели, мистер Робсон? – улыбнулся Грин.
– Получается, что мы! – затряс брюшком лейтенант. – Каюсь. И готов понести наказание.
– Вы же знаете, мистер Робсон, в компании таким подросткам легче выжить.
– Мне от этих знаний не легче, – пожаловался лейтенант. – Пока они поодиночке, стараются прятаться. А как сбиваются в стаю, тут и начинается моя головная боль. Знакомиться будете?

– Давайте.

Лейтенант нажал кнопку переговорного устройства и приказал.

– Этих двоих из «обезьянника» ко мне.

Через пару минут сержант ввел в кабинет двух мальчишек.

Грин с ходу определил – видны задержки в развитии. Они не тянут на заявленный в справке возраст, – от бродяжничества и плохого питания? или приплюсовали себе по два годика? Зачем?

– Здравствуйте, ребята, – весело сказал он, вставая им навстречу. – Меня зовут мистер Грин.

Ни тот, ни другой не ответили на приветствие, с недоверием поглядывая на незнакомого господина.

– Ну-ка, ведите себя, как следует, – рыкнул на них Робсон.

– Это как? – съехидничал Утр, – присесть в книксене? Извиняйте, господин начальник полиции!

– Не обучены на чердаках да в подвалах обитаючи, – добавил с издевкой Лайм.

– Все в порядке, мистер Робсон, – успокоил офицера Грин. – Мы разберемся.

Но в своем кабинете лейтенант привык держать инициативу в кулаке.

– Вы поедете с мистером Грином, – тоном, не терпящим возражений, сказал он.

– В очередной приемник, что ли?

– Почему сразу приемник? – спросил мистер Грин. – Вполне приличное заведение!

– Значит, тюрьма, – сделал вывод Утр.

– Или колония, – добавил Лайм.

– Не буду вас ни в чем убеждать, – успокоил их мистер Грин, – на месте все сами увидите.

Ну? Согласны?

– А чё вы спрашиваете! – фыркнул Утр. – Тут ваша сила и ваша власть.

– Тут вы за нас все решаете, – смотрел волчком Лайм. – Ишь, какие рожи довольные!

– Небось и сейчас уже решили! – демонстративно отвернулся к окну Утр.

– Все равно завтра сбежим, – пообещал Лайм.

– Не сбежите, – уверенно сказал мистер Грин, поворачивая их к двери.

– Чё, в клетку засадите? – плюнул сквозь зубы Утр.

– В клетку сажать не будем. Да и нет у нас клеток.

– Тогда сбежим, – с бахвальством пообещал Лайм. – Нам не впервой!

– Вам у нас понравится, – пообещал мистер Грин, подталкивая ребят к выходу. – Попрощайтесь с добрым господином лейтенантом.

– Он не дама, – сказал Утр.

– Пока, полиция! – сказал Лайм.

В Центре новеньких отмыли, переодели, накормили и мистер Грин повел их на экскурсию.

– Здесь вам предстоит жить до окончания школы, – как о чем-то решенном, говорил он.

Ребята чувствовали себя немного неловко в новых кроссовках и спортивных костюмах. Они еще были под впечатлением сытного и разнообразного обеда, и магазина, где им позволили целый час копаться в вещах и выбирать себе любую одежду.

– А с чего ты взял, что мы будем ходить в твою школу? – уже без прежней агрессии спросил Утр.

– В мою вы ходить точно не будете, я свою школу давно закончил. И университет закончил, – в том, как разговаривал с ними этот мистер, было что-то непривычное. Он не давил на них, не командовал – туда пошли, сюда. Он говорил как с равными и как с давно знакомыми ему ребятами, и даже ни одного раза не сморщился от их грубости или хамства. – А вот ваша школа еще плачет по таким замечательным мальчуганам!

– Первый раз вижу такой спецприемник, – признался Лайм. – Обычно привезут в какой-то гадюшник, похлеще нашего подвала. Сначала почки отобьют, кровянку из носа пустят. Потом в карцере дня три продержат, и только потом жарчки дадут, да воды умыться.

– У вас карцер есть? – спросил Утр.

– Пока не построили, – усмехнулся Грин. – Нам он как-то без надобности.

Он без спешки водил ребят по Центру. Показал бассейн, – они потрогали воду; в тренажерном зале покрутили велосипед и пробежали по дорожке; в спортивном зале побросали в кольцо мяч. Дошла очередь до учебных классов и игровых комнат.

– Ух ты! – загорелись глаза у пацанов. – А нам поиграть можно?

– Все это теперь так же ваше, как и ваших новых друзей.

При слове «друзей» оба напряглись.

Мистер Грин понял их обеспокоенность и пообещал:

– Никто вас бить не будет, никто не потребует «прописки». У нас нет ни дедовщины, ни беспредела. Я вам обещаю – они точно будут вашими друзьями.

– Так не бывает.

– Через недельку сами убедитесь, я даже пари готов заключить.

– На что? – заключать пари оба любили.

– Да хоть на что, – улыбнулся мистер Грин. – Пока мы тут гуляем, вы подумайте – есть ли у вас что-то, на что спорить можно?

Грин привел ребят на третий этаж и показал им их спальню.

– Это наша камера? – не поверил Лайм.

– Ну, вообще-то у нас это называется несколько по иному, – мистер Грин показал на табличку, прикрепленную к двери.

– Комната номер четырнадцать, – прочитал Утр. – А почему нет имен? На тех вон имена написаны.

– Ну, извините, не успели еще вас вписать. А, впрочем, кто-то же из вас писать умеет?

– Ха, кто-то! – Лайм хвастливо расправил плечи. – Умеем и получше некоторых!

– Вот и славненько! Значит, сможете сами свои имена вписать.

– Ненадолго, – одними губами сказал Лайм, но Грин услышал.

– Я бы на твоём месте не был так уверен.

– Чё? За ногу привяжете?

– У вас полная свобода, никто за вами по пятам ходить не будет, и сторожить вас не будет.

– Тогда точно сбежим! – фыркнул Утр.

– Но есть одно условие, – мистер Грин как не слышал последней реплики Утера.

– Что за условие? – попался Утр.

– Если вы уйдёте отсюда, больше никогда вернуться назад не сможете.

– Как страшно! – поднял к небу глаза Лайм. – Что ж это за богадельня такая, что мы должны всеми руками и ногами цепляться за нее?

– «Подростковый Центр», – сказал мистер Грин. – Небось, слышали?

– Это? – вытянул от удивления шею Утр.

– Тот самый «Подростковый Центр» доктора Фаусто?

Теперь с пацанами легче было говорить, и мистер Грин озвучил им первые условия.

- У меня к вам такое предложение.
- Типа торгов?
- Вы послушайте и не перебивайте: вы остаетесь здесь ровно на неделю. Смотрите, при-
выкаете. Через неделю мы с вами садимся за этот вот стол и решаем: не понравилось, – флаг
вам в руки, идите на все четыре стороны. В этой одежде, в этих кроссовках и со всем тем, что
еще наберете в нашем магазине.
- Не заберете?
- Нет!
- Слово?
- Даже готов по-вашему поклясться, – засмеялся мистер Грин. – Зуб даю!
- Всего неделю?
- Да, день в день! – приложил руку к груди Грин. – Понравилось – вы в команде.
- Вы всем так говорите?
- Всем.
- И много ушло?
- Вы будете первыми.
- А если мы вас обманем?
- Как!
- Ну, скажем, что согласны, а сами ночью сбежим? – прищурил глаз Утр.
- Вы – взрослые ребята, – сказал Грин. – Я думаю, что у вас есть свое пацанское слово?
- Есть!
- Никто вас за язык не тянет?
- Не тянет.
- Мы действуем по договоренности?
- Ну да.
- Вы можете прямо сейчас встать и уйти.
- Короткими рублеными фразами сказал им условия мистер Грин.
- И вы нас просто так отпустите?
- Вас никто за руку не держал, не держит и сейчас. Через неделю тем более держать
не будет. Вольному – воля.
- А костюмы?
- Вот за них надо недельку потерпеть, – еще раз повторил Грин. – Рискнете?
- Мальчишки отступили на шаг от мистера Грина и зашептались.
- Что такое неделя?
- Так, пустяк! Мало, что ли, у нас всяких недель было!
- Отмоемся, отдохнем в чистоте и уюте.
- Откормимся, наконец!
- В игры поиграем! Я там такой комп видел!
- Мистер Грин плеснул масла в огонь.
- Если бы я вас не забрал из полиции, где бы вы сейчас были?
- Ясно, где! Сутки в обезьяннике, потом в приюте, – запрут по-одиночке, потом дня через
три выпустят, – перечислял Лайм. – А там мы и сбежим.
- Так поживите здесь.
- А чего, Лайм, давай, поживем! – стукнул по плечу друга Утр.
- Ну, по рукам? – спросил Грин. – На неделю?
- На неделю!
- Тогда, с вашего позволения, я вам на руку вот эти часы надену, не возражаете?
- Клеевые часы!
- Через неделю сниму, – пообещал мистер Грин.

- А я думал – это подарок, – скис Лайм.
- Это если вы здесь остаться надумаете – подарок будет. А пока только электронный браслет слежения.
- А он время показывает?
- Он показывает не только время. И температуру, и пульс, и давление.
- Ух ты!
- А еще показывает – где вы находитесь и что делаете.

Глава 5. Беспредельщик

В наглухо изолированном и защищенном от всякой прослушки кинозале Центра доктор Фаусто собрал мистера Грина, мисс Крэйд и всю семерку специалистов первого уровня.

Еще неделю назад их было восемь: три девушки и пять парней. Это не просто четная цифра, это четыре полноценных боевых группы. А в общей своей массе команда, армия Фаусто.

О том, что есть у доктора Фаусто такая армия, знали только эти, присутствующие на киносеансе люди. И о том, что среди воспитанников Центра есть обладатели трех уровней возможностей, знали тоже только они. Но лишь давняя ассистентка доктора мисс Крэйд, и приемный сын, черноволосый и смуглый красавец мистер Грин, знали о том, что в сверхспособностях детей «повинна» не столько матушка-природа, сколько открытие доктора, сделанное им в Индии.

Да, внешность мистера Грина не обманывала. Доктор нашел его в Калькутте, в трущобах огромного города. Именно там агенты засекреченной лаборатории покупали для его опытов десяти – двенадцатилетних детей. Покупали за копейки. Детей в индийских семьях было так много, а кормить их так трудно, что зачастую родители готовы были избавиться от лишнего рта почти задаром. «Еще и десять долларов? Спасибо, мистер! Да на эти деньги вся семья пару месяцев сыта будет!» Зачем белым людям нужны их дети? Мальчики и девочки... Ну, мало ли зачем! В стране, где девочек в этом возрасте уже отдают замуж, такие вопросы задавать не принято.

Мистер Грин, по-индийски мальчик или бой с созвучным именем Гарейн, единственный из индийских пациентов доктора, кто выжил. И не просто выжил, а прошел все три уровня на его иерархической лестнице: благодаря изобретенному им препарату поднялся на первый, был «утилизирован» до третьего, и опять частично восстановил свои способности до второго. В исследованиях доктора он – самый ценный кадр, почти бриллиант. Двенадцать лет опытов, вся трансформация организма и мозга, удивительная способность к регенерации клеток.

Блокированная память, напрочь лишенная воспоминаний детства, замкнула его мир на единственном дорогом ему человеке и на выполнении любой, угодной ему работе. Это была не просто сыновья преданность, это было почти божественное почитание. И, хотя они иногда и спорили по работе, но таковы требования самого Фаусто – не принимать все его рекомендации и советы на веру, а искать в них изъяны.

– У меня замыливаются глаза, я теряю остроту ощущений, мне кажется – я все делаю правильно. И тем самым встаю тормозом сам у себя на пути. Ваша задача – возвращать меня на землю, – так неустанно повторяет он и Грину и Крэйд.

Правила работы в группе, раз и навсегда принятые к исполнению, гласили: на задание всегда выходят двое. Один – основной исполнитель, под которого и разрабатывается всей командой операция, второй дублирует. Силы у них изначально разные, но это не значит, что один менее ценен, чем другой. Каждый из подростков обладает своими, только в нем скрытыми способностями.

Потому и существует в паре распределение обязанностей. Задача дублера или второго номера, в случае возникновения нештатной ситуации, любой ценой вывести из-под удара первого номера.

Как ни бился доктор Фаусто за Тома, поднять его до второго уровня не удалось. Теперь нужно срочно готовить мальчику замену, чтобы не потерять полноценную боевую группу.

Тома перевели в обычный класс.

На языке, принятом в Центре, это и называлось «утилизировать». Сгоревшего солдата просто снимали с проекта и изменяли ему память. Теперь он не являлся носителем информации об армии Фаусто и не представлял никакой опасности.

Том никуда не денется. Он останется в Центре рядовым воспитанником, выполняющим, кроме обычной учебы в восьмом классе, обычные же, по его возрасту и способностям, поручения, разрешенные солдатам третьего уровня. Конечно, он теряет допуск первого уровня к новой информации, но не к благам, дарованным воспитанникам: получить хорошее образование, спортивную подготовку уровня мастера спорта, путевку в жизнь, собственную квартиру. И как минимум еще пятилетний негласный контроль и поддержку.

Сегодня доктор Фаусто показал своей армии откровения мадам Риты.

– Мерзкая личность, – первой выразила переполнявшие ее эмоции мисс Крэйд.

Это было еще самое мягкое определение, прозвучавшее в зале.

– Я правильно понял вас, доктор? Принимаем в разработку?

– Правильно, мистер Грин, – доктор Фаусто был уже не тем добродушным врачом с неизменной улыбкой и слащавой услужливостью. Это бы командир с большой буквы. – Каждый шаг, все его явки и телодвижения, всю подноготную этого Драйвера!

– Лейтенант... – мистер Грин прижал палец к губам. Здесь не принято было вслух называть источники информации. – Уже не раз упоминал мне это имя. Думаю, он поможет составить досье.

– Вы со своей командой как всегда, возглавляете группу разведки.

– Слушаюсь!

– На сбор информации вам неделя.

– Учитывая, кто у него папа, следов будет достаточно.

– Задействуйте всех со второго уровня и обеспечьте круглосуточный контроль. Вся информационная база по его семье из нашего архива завтра будет в вашем распоряжении.

– У меня вопрос, доктор.

– Да, мисс Крэйд?

– Один ли он – центр этой группы?

– Поясните, мисс Крэйд?

– Разрушится ли целостность преступной группы без лидера или просто власть перейдет в другие руки, а беспредел продолжится?

– Спасибо, мисс Крэйд, весьма ценное замечание, – поблагодарил доктор и перевел взгляд на Грина.

– Я понял, – на лету поймал тему мистер Грин. – Изучить взаимоотношения в группе.

– И вычислите потенциальных лидеров и их место в группе, – настойчиво повторила мисс Крэйд.

Мистер Грин кивнул.

– Все свободны, – отпустил их доктор.

Через неделю мистер Грин в том же кинозале, тому же составу продемонстрировал собранный солдатами второго уровня материал.

На кадрах скрытой съемки по полосе встречного движения мчался на высокой скорости огромный джип, защищенный спереди кенгурятником из блестящих труб. Он не реагировал ни на гудки машин, ни на сигналы идущего параллельным курсом автомобиля полиции.

Напуганные водители перестраивались из ряда в ряд, бросали свои машины на бордюры, сталкивались с ограждениями, разбрасывали по дороге осколки фар и куски бамперов.

Одна машина перевернулась и, ударившись в столб, загорелась.

Камера выхватила ухмыляющуюся физиономию водителя джипа, полицейскую погоню и таран лихачом на перекрестке заблокировавшей дорогу полицейской машины.

– Выродки, – прокомментировал мистер Грин финальную сцену фильма.

– Каково будет мнение? – обвел взглядом присутствующих доктор. – Убираем?

– Да!

– Убираем одного или?..

– Второй номер команды и главный заводила будет с ним.

– План проработан?

– Сделаем показательную порку, – мистер Грин протянул доктору лист бумаги.

Здесь была нарисована схема дорожного участка со всеми приметными зданиями.

По маршруту движения кружочки с цифрами и объяснениями.

«1. Выезд Объекта на встречную полосу.

2—3—4 – сопровождающая его кода.

5. Машина Исполнителя.

6. Точка начала работы.

7. Точка ухода с траектории...»

– Вы предлагаете списать его прямо на этом участке дороги?

– Это его самое любимое место для пакостей, – уточнил мистер Грин.

– Похвально!

– Воспримется в городе как божья кара.

– Насколько велики шансы подловить его здесь, учитывая, что исполнитель будет в рабочем состоянии только несколько часов?

– Через два дня у них банкет в ресторане. Празднуют день рождения одного из банды.

Между двадцатью четырьмя и часом они заканчивают.

– Одобряю. Кто исполнитель?

– Первым номером Джулай, – мистер Грин приобнял девушку за плечи. – Я на страховке и за рулем.

– Какой вариант приготовили?

Джулай выдвинулась на первый план и рассказала доктору.

– Мы трижды выезжали на место, – четко докладывала она. – Я осматривала автомобиль.

Первая мысль была – вырвать тормозные шланги передних колес – это самое незащищенное место машины, тем более основную работу можно сделать на стоянке, а в месте X только сделать последний оборот.

– Но, как я понимаю, вы отказались от этой идеи? – спросил доктор.

– Да.

– Почему?

– Он не очень часто нажимает на тормоза, – призналась Джулай. – И дорога там идет на подъем. Так что, даже в случае отказа тормозов, он может не запаниковать, а просто погасит скорость, перестав давить на газ.

– Согласен.

– А потом Джулай нашла заводской дефект, – перевел разговор на себя мистер Грин, но доктор остановил его движением руки, и смотрел только на девушку.

– Я нашла дефект в рулевой колонке, – сообщала она. – Пустяк, маленький воздушный пузырь в металле. Но в очень удачном месте. Там, где ставится руль, резьба и крепление гайкой.

– Справишься?

– Я уже попробовала, – смутилась она.

– Как, пробовала! Наживую? – удивился доктор. – Без подготовки?

– Да! – в глазах девушки появился озорной блеск. – Мы были всего в метре от его машины. Я даже слышала, как скрипит металл! Микротрещина вышла к резьбе и я остановилась.

– Два дня... два дня... – задумался доктор. – Хорошо! План я утверждаю.

Доктор Фаусто встал и, потирая руки, заходил вокруг стола. Теперь уже для себя одного он мысленно прогонял операцию, углядывая возможные препятствия или нестыковки.

– Мисс Крэйд! – определился он. – Начинайте подготовку Джулай к работе.

– Что по дозировке?

– Основную работу ты считаешь, уже сделала? – спросил у девушки доктор.

– Да, – кивнула она.

– Выходите на три четверти. И... докладывайте мне через каждые три часа.

– Хорошо, доктор.

– Кто вторым номером?

– Не надо второго номера, – решительно сказала Джулай. – Я справлюсь!

– Она справится, – поддержал мистер Грин. – Я на страховке.

– Принимается. Всем на два дня особый режим! Никаких выходов за территорию! После-завтра выход...

* * *

У Сэрсена давно выработалась такая привычка.

Вечером, отгуляв в ресторане и приняв на грудь дозу герыча, сел за руль своего Лэнд Крузер Прадо, выезжал на центральные улицы города. Следом свита таких же, как и он, отморожков на крутых тачках, но отморожков элитных, – неразумных отпрысков высших руководителей города или богатеньких наследников.

На дороге Крузак врубал все свои фары на полную мощность, слепил водителей, танцевал «вальс», кидая машину из правого ряда в левый, выезжал на полосу встречного движения и, включив на полную громкость музыку, безумно давил на газ. Водители шарахались в стороны, мяли друг друга, улетали на газоны. А дружки Сэрсена пилили за своим капитаном, ржали и снимали этот кавардак на камеры.

На площади возле администрации города Сэрсен разворачивался и спускался вниз, к цирку, опять же по встречной полосе.

Ни полиции, ни судов он не боялся. Папа – заместитель Мэра, от всех отмажет. А если кто-то случайно не успеет увернуться, поцарапает его Крузак, папины адвокаты всегда сделают так, что еще и ему платить за ремонт будут. Судья-то тоже свой, из отцовской команды!

Маленькая юркая Хонда Сивик японской сборки дежурила на площадке у магазина напротив ресторана «Лого». Магазин в такой час закрыт, а площадку используют как ночную стоянку жители окрестных домов. Собственником ресторана по документам числится безродная пенсионерка с трудновыговариваемой фамилией, но все знали – это владения жены вице мэра мадам Риты.

В Хонде сидела парочка. Смуглый мужчина лет двадцати трех и совсем юная девушка. Они не выглядели влюбленной парочкой. Скорее братом и сестрой. Не обнимались, не целовались, по выражению лица вели скорее деловые разговоры, чем флиртовали.

Тихо играла музыка.

Патрульный автомобиль полиции уже не в первый раз проезжал около ресторана и заезжал на площадку. Отрабатывая зарплату, наряд следил за порядком больше здесь, чем на подконтрольной территории района. Полицейские хорошо знали – за происшествия в городе с них если и спросят, то их маленькие начальники. А вот за любое происшествие около ресторана или, не приведи господь, с сыном вице мэра, сдерут три шкуры, мало не покажется.

– Что-то задерживаются сегодня, – сказал полицейский напарнику, глянув на часы.

– Ты куда-то торопишься?

– Да, вроде бы, нет.

– Часы тикают, смена идет, – философски сказал напарник.

– Оно конечно, и так, – согласился полицейский. – Но лучше бы наша смена шла где-нибудь в другом месте.

Когда пошатывающийся Сэрсен в окружении дружков и девиц выполз на автомобильную стоянку, патрульная машина предусмотрительно погасила фары и выключила музыку.

Молодежь в открытую разложила на капоте шприцы и ампулы. Под громкий рев музыки поочередно подходили, заряжались, бросая использованные шприцы и стекло ампул прямо под ноги.

Кто-то достал ракетницу и выстрелил в воздух.

В джин Сэрсена по-хозяйски запрыгнула девица в коротких шортах и в открытое окно показала всем средний палец.

Взревели мощные моторы.

Молодежь без стеснения газовала, поднимая с постелей жителей десятка близлежащих домов.

Прогрев моторы, тачки рванули с места. Крузак Сэрсена всегда был первым. Никто не смел выезжать раньше него. Любого, даже случайного, смельчака он тот час брал на таран, скидывал с дороги и навсегда исключал из состава своей свиты.

Последней в хвост колонны пристроилась маленькая Хонда.

Колонна летела по широкому проспекту мимо ледового дворца, университета, большого куба автосалона.

– Это мой салон, – перекрикивая динамики, показал Сэрсен девушке. Хочешь «Мерседес»?

– Если только купе, – лениво выдавила девица.

– Сделаю! – пообещал Сэрсен. – Цвет какой?

– Белый! А сиденья ярко-красные!

– Как кровь?

– Как море крови!

На светофоре у цирка водитель Хонды занял пустой правый ряд и, как только Крузак свернул на полосу встречного движения, маленькая скоростная машина рванула вверх. Ее скорость превосходила скорости остальных машин, но, оторвавшись от колонны, водитель не стал уходить в отрыв, а пошел параллельным курсом, вплотную прижавшись к разделительной полосе. Руль у японской машины справа, девушка сидела у левой двери.

Слева, на другой полосе дороги началась паника.

Летели в кювет, сигналили, брызгали стеклами обезумевшие автомобили.

– Достанешь? – спросил водитель у девушки.

– Да, – ответила Джулай, – я его уже чувствую!

– Давай!

Джулай опустила боковое стекло и, опершись на скрещенные на двери руки, пристально смотрела мимо подружки на Сэрсена, точнее на его руки.

Вот они пролетели мимо трехэтажной стекляшки банка, мимо торгового центра, приближаются к последнему светофору. Водитель Хонды начинает заметно нервничать и все чаще бросать взгляд с дороги на Джулай. До выезда на площадь остается один пролет, полторы-две минуты.

Девушка невозмутимо гипнотизирует руль летящего Крузака.

– Есть! – вскрикивает она и победно откидывается на сидении.

Трехтонный Крузак на огромной скорости таранит пустую автобусную остановку, сносит киоск и, продолжая неуправляемый полет, врывается в бетонную стену банка.

– В мясо! – проследив в зеркало заднего вида, водитель Хонды доезжает до театра, разворачивается и возвращается к месту аварии. Надо проверить, чисто ли выполнена работа. Еще есть время и шанс доделать начатое.

Глава 6. Встреча авторитетов

Этот дом на Ипподромной улице, где селились только состоятельные люди, был самым приметным. Не дороговизной материала, не причудливостью архитектуры, а ее необычностью. Почти по всему периметру участка в добрых полакра³ площадью, тянулись сплошные постройки без единого окна наружу.

Первый этаж переходил в подвал, образуя что-то среднее между гаражом, хозяйственными комнатами и цехами по производству всего и вся: от швейки до разлива водки и фасовки мелкой розницы. Второй этаж – жилые комнаты для братвы и работного люда, и опять же цеха-мастерские, не требующие большого народа и суеты: – ювелирка, художественные мастерские, даже личные иконописец и чеканщик царских монет.

Потом шел широкий двор, по которому пешком гуляли здоровые как телята кавказские овчарки и среднеазиаты. И в центре хага пахана: трехэтажная коробка неприятельного дома.

Арочный проход в дом огорожен от собак арматурной сеткой, – гуляй без опаски. Но это обманчивая безопасность. Нажатая кнопка, и сетка улетела под потолок.

Здесь жил Давид – пахан теневого, полукриминального и уголовного мира города. А причудливый забор нужен был ему не столько для защиты своей бесценной шкуры, сколько для авторитета в своей среде. Любой, отсидевший срок баклан, не имеющий крыши над головой, работы или дружков, у которых можно перекантоваться, мог прийти сюда.

Здесь никому не бывает отказа. Люди всегда нужны. А уж к какому делу тебя пристроят, полностью зависит от тебя. Все в соответствии с твоим местом на иерархической лестнице, умением и полезностью общине. Могут просто доверить машины мыть, в теплицах огурчики выращивать. А могут и пристроить к бригаде, которая машины угоняет, разбирает и перепродает. Или в теплом киоске будешь огурчиками торговать да из-под полы порошок толкать.

Люди хоть и жили на вольняшке, но по законам зоны и братвы. И самым строгим судьей здесь был не продажный мирской суд, а всеильный пахан и его личное понятие справедливости.

Дом пахана имел две половины. Одна, обставленная и сверкающая дорогой мебелью, люстрами с позолотой, хрусталем и коврами, больше походила на многокомнатный номер пятизвездочного отеля. Заселялся номер не часто, только когда прибывали важные гости. В обыденной же жизни пахан не любил роскоши и старался меньше проводить здесь время.

По его настроению и под его нужды вторая часть дома была обставлена на пример деревенской избы: просто и чисто. Здесь и воспоминания детства живут, здесь и душа отдыхает. И весь свой люд себя уютнее чувствует. Тут и водка с солеными огурчиками, с квашеной капустой да картошкой на постном масле лучше пьется, и разговоры честнее говорятся.

Самовар, тюлевые занавески, круглый стол и икона с лампадой в красном углу. Он даже привез из маленького провинциального городка, где родился, старый сундук, обитый полосками почерневшей жести. Как это чудо из его детства сумело сохраниться, остается только гадать. Но, в минуты одиночества и подступившей ностальгии, приляжет на этот сундучок, закроет глаза, и как на полвека назад перенесся, в те годы, когда мальцом и взаправду спал на этом сундуке, свернувшись калачиком. А случится какой шум или движение в доме – вскочит, пригладит редкие волосешки и примет положенный его авторитету вид.

Сегодня у пахана гости из администрации. Банный день на широкую руку.

Это лет двадцать назад они могли существовать сами по себе: власть – отдельно, пахан со своими урками – отдельно. Мэр города урку на пушечный выстрел к своему телу не подпустит. Пришли времена иные. Нынче заместитель мэра с компанией в открытую в баньку к нему

³ 1 акр – около 0,41 гектара

приехал. Деньги не имеют цвета и запаха. А когда на кону не просто деньги, а очень большие деньги, – стираются все отличия.

Тут уголовник, отсидевший в тюрьмах не один срок, запросто пожимает руку бывшим его гонителям: прокурору, участвующему в его бизнесе, судье, владеющему пакетом акций доходного заводика, или мэру, числящемуся членом совета директоров. Это там, в родных краях христианин не сядет за один стол с правоверным, и оба будут ругать иудея. Здесь общие интересы отодвигают на десятый, двадцатый план межнациональные и межконфессиональные споры.

Давид, двое вице мэров, банкир и директор театра развлекались в бане.

Молодые сочные девки дразнили гостей крутыми бедрами, визжали в холодном бассейне и поднимали у мужчин на соответствующий уровень соответствующее настроение. Девки не уличные шалавы, и, хотя эти гости любой дармовщинке рады, Давид к власти уважение и почет имеет. Артистки из штата того самого театра, где он, пахан, – один из главных спонсоров. Танцевальная подготовка, хорошие голоса, песни под гитару весь вечер. И шампанское вперемешку с коньяком. Правда, он сам ни то, ни другое не любит. Он все по водочке, по беленькой прохаживается.

Чума, порученец пахана, просунув в щель двери единственный целый глаз, отыскал Хозяина и замер, ожидая, когда на него обратят внимание.

Давид, худой жилистый мужичок пенсионного возраста, без малого половину жизни просидел в зонах. Он обладал звериным чутьем, благодаря чему выжил и поднялся до вершин уголовного мира. Даже в этом пьяном бедламе и визге девок, он уловил прожигающий испещренную татуировками кожу взгляд. Он незаметно повел глазами, выискивая точку беспокойства.

В щель дверного проема немигающе смотрел Чума. Порученец никогда не станет подглядывать, а тем более беспокоить отдыхающего пахана из-за пустяка.

– Я на минутку, – сказал Давид партнерам и, скинув с коленей голую приму балета, пошел к двери.

В раздевалке Чума шепнул на ухо пахану свежую новость и отстранился, давая возможность Давиду осмыслить сообщение.

– Допрыгался, – наконец выдавил пахан, и лицо его пронзила мстительная ухмылка. – Давно надо было его к праотцам отправить.

Чума и сейчас молчал. Он знал, когда время рот раскрывать наступит. Пока пахан новость пережует, по своим извилинам прогонит, выгоду или ущерб просчитает – ему лучше не мешать

– Что еще знаешь? – спросил, словно очнувшись, Давид. – Сам влетел или его кто-то?

– Там полиции полно, ни с какого края не подъехать. Безопасность, опять таки, мать в истерике бьется, – перечислял Чума. – Труповозка.

– А отец тут развлекается и ничего не знает, – зло пробросил пахан.

– Его телефон в раздевалке звонил бесконечно, пока я батарею не сунул в кипятилок, – раскололся Чума.

– И правильно сделал. Сильнее удар будет. Там и без него есть кому весь город на уши ставить, – сматерился Давид. – Виноватого они быстро найдут.

– Или назначат.

– Ну да. Их ублюдки не умирают сами по себе. – Давид опять погрузился в думы. Лицо его окаменело и лишь уголки губ слегка подергивались, выказывая кипящие в пахане страсти. – Ты вот что, пошли смысленых ребят, пусть потолкаются, послушают.

– Мои давно там, – отрапортовал Чума. – Как только новость прилетела, я Гладу и Глухаря отправил. Ребята смысленные.

– Глухаря-то зачем? – вскинулся Давид. – Что он услышит?

– На «услышать» там, может, и не подойдешь, – размышлял вслух Чума, – через их-то заслоны. А он мастер по губам читать.

– Дельно!

– А Глада у нас по машинам главный спец, чего-нибудь пронюхает.

– Ты этого своего... – Давид всегда терялся от такой предусмотрительности порученца; казалось, не было такой мелочи, которую бы тот не предусмотрел, о чем раньше его не подумал. И все же это был самый старый его кореш, самый преданный и совершенно лишенный каких-либо амбиций. – Ты полица из дорожной службы, пригласи, как там у них немного уляжется. Пусть нам всю картину подробно нарисует.

– Еще что? – настойчиво спросил Чума, прежде чем Давид скрылся за дверью.

– Ну да, ты прав, – вернулся мыслями к делам Давид, – кипеж начнется знатный. Медлить нельзя. Позови Мансура и Саркиса. Пусть вместе с полицаем подкатывают.

– Сейчас?

Пахан сощурился: хорошую новость надо смочить как следует. Выпивка первостатейная и девки молодые да распаренные. А в особый кайф наблюдать, как папанька-подлец безумствует с бабами, когда труп его сына-урода еще кровью последней исходит!

– Гнать коней не будем. Часа через полтора забивай стрелку, – обозначил ориентир. – Мы сейчас отметим это дело и сворачиваться начнем. Пусть этот, – указал себе за плечо, – «приятную» новость не в моем доме узнает, – хохотнул, – предупреди там всех – молчать! – Отдал теперь уже все распоряжения и не по возрасту легкой походкой, пританцовывая, порулил в баню.

Давид был смотрящим в городе. Под ним все рынки, наркота и представители уголовного мира. Но, следуя современным традициям, он имел большие доли и в легальном бизнесе. Акции крупнейших предприятий, доли в хлебозаводе, в молокозаводе, в десятках других контор. Деньги никто сейчас не складывает в кубышку. Деньги в дело пускают. Скупить все, что продается или отдать в рост. И не через банки, под ничтожные десять процентов в год, а через ломбарды да ростовщические конторы под те же десять процентов, но уже в месяц.

Его посаженцы возглавляли или контролировали всю городскую торговлю. Мансур держал весь привоз в город сельхозпродукции из Средней Азии и транзит афганского порошка. Саркис отвечал за ярмарки и торговые центры промтоваров и ширпотреба, большей частью китайского. Под ним же были и цеховики всей округи.

Через пару часов, так и не сказав вице мэру о свалившемся на него горе, он отправил банную компанию плескаться в бассейн. А сам вместе с Мансуром и Саркисом слушал Полицая.

– Что-нибудь прояснили? Кто его?

– Никто, – коротко отвечал Полицай.

– Так не бывает, – хмуро сказал Мансур.

В мире, где цена жизни определялась стоимостью услуг киллера, в случайности верили неохотно.

– Руль оторвался и машина потеряла управление, – досказал Полицай. – Есть желание найти крайнего – можете приписать убийство рулю.

– Вот просто так вот – взял и оторвался? – в минуты волнения Саркис не мог совладать со своим акцентом. – Он что, на одной ниточке болтался, как у меня пуговиц на пальто?

– А что, реально! – бесцеремонно влез Мансур. Он был в авторитете почти как пахан. А по баблу, так и повыше. И народу под ним ходило – сотнями, даже тысячами. На всех рынках, на всех перекрестках торговали или родственники, или единоверцы, что было почти одним и тем же. – У меня давно еще был старенький фиат, деду за войну подарили! Я тоже еду себе по серпантину в горах наших. На камне трянуло, я рулю туда-сюда, а машина меня не слушается. Давай думать, какой шайтан мешает? Смотрю – а руль-то у меня в руке болтается, отдельно от этой палки, на которую надет был.

- И как жив остался?
- Так у нас в горах пропасти нет, – дивится непониманию Мансур, – там стена справа и стена слева. Да и скорость маленькая была, я на тормоза нажать успел.
- А этот, выходит, не успел, – молвил Саркис.
- Этот летел, сломя голову, – сплюнул Полицай. – Сами же знаете, какой беспределщик был.
- Знаем, как не знать! – цокнул Мансур.
- Что делать будут? – спросил Давид у Полицая.
- Руль и рулевую колонку на экспертизу отправили. Но я успел посмотреть – линия разлома естественная, никаких надпилов нет. Да туда и не подобраться, чтобы надпилить. Там труба и кожух!
- А машина-то у него новая, – заметил Саркис, покачивая головой и цокая языком.
- Да, месяца не проездил.
- Теперь уже навсегда отъездился, – кивнул Полицай. – Хоть и нехорошо о мертвых так, но сволочь была та еще. Мы всем отделом бога молили, чтобы забрал его. Сколько народа загубил!
- Давид кивнул стоящему у двери Чуме, тот достал из кармана пачку долларов и сунул в карман Полицая.
- Держи Чуму в курсе дела, – попросил Давид, давая понять, что встреча закончена. В комнате осталось только трое авторитетов и Чума.
- Вам это ничего не напоминает? – глотнув из кружки крепкого чая, спросил Давид.
- Ты про что?
- Мочат всех подряд!
- А чего ты решил, что их кто-то мочит? – Мансур не спешил принимать версию пахана. – Все, вроде, натурально! Вот и у органов такое же мнение.
- Забыл, как в 90-х наши ряды чистили? – нахмурился пахан.
- А, зачем говоришь – забыл? Я тогда еще маленький был, – показал рукой свой тогдашний рост Мансур, – в школа ходил. Далеко отсюда.
- Извини, брат, – положил ему руку на плечо Давид. – Это я от волнения.
- Не надо – извини! – сильно жестикулируя, раскрыл объятия Мансур. – Мы – братья! Расскажешь – один раз услышу, никогда больше не забуду!
- Тогда на наших мор нашел, – вспоминал Давид. – Что ни месяц, так одного-двух хорошим. И тоже не придерешься, все натурально.
- Как же догадались, если натурально?
- Я чую, – ощерился пахан. – Я носом смерть чую. Чистодел объявился по наши души. Хоть и натурально все у него устроено, но не натурально это, когда совсем здоровый мужик, который самую крутую зону прошел и весь беспредел на спине и в сердце вынес, вдруг от сердечного приступа умирает.
- И на чем он прокололся?
- Кто?
- Ну, Чистодел этот?
- След оставил. Даже не след, а так, следок малюсенький. А там уж Чума его и вычислил. И учинили мы с этого Чистильщика спрос по полной программе!
- Тогда контора силой была! – сказал Мансур. – А сейчас – пшик! Пустобрехи да хапуги.
- Не только эта контора есть, – намекнул Давид. – И другие на свет божий повылазили.
- Думаешь, опять он пришел по наши души? – спросил более осторожный Саркис.
- Тот, который был, никуда больше не придет, – зло сказал Давид, – давно в земле сгнил.
- Но, чувствую, новый Чистодел в городе объявился.
- Наши все целы, – напомнил Саркис, – может, он и не по нашу душу?

- Это меня и тревожит, – Давид помрачнел.
- С какого боку?
- Он с официальными властями расправляется, – напомнил пахан.
- Нам оттого только радость! – хихикнул Мансур. – Сговорчивее будут.
- Радость, говоришь? – упер в него острый взгляд пахан. – Как бы нам с этой радости слез не хапнуть!
- Загадки загадываешь, Давид! Я не такой умный, как ты. Я – простой джигит, с гор недавно спустился! Давай, говори, что знаешь.
- Там тоже не дураки сидят. А ну как придет кому в голову мысль, что это от нас дым идет?
- Сам говорил – Чистодел, следов от него нет. Кто на нас подумает?
- Подумать может любой и что ему угодно, – сказал Саркис. – Сможет ли доказать – другое дело.
- Нам с ними ссориться нельзя. У нас бизнес общий! Нагадить мы им, конечно, при желании сможем, но сила-то настоящая хоть как за ними.
- Что предлагаешь?
- Надо нам этого Чистодела раньше других вычислить! – рубанул кулаком пахан.
- Ты считаешь, что это не чередой случайностей?
- Я, как и в тот раз, опять знакомый запах чую, – засопел в обе ноздри пахан, – вокруг смертью пахнет! С каждым разом баба с косой все выше и выше забирается!
- Четвертый за неполный месяц, – впервые вставил слово Чума. – Как обложили их! Крестиками лбы пометили. Кто следующий под раздачу?
- Как он вовремя про четвертого ввернул. Все притихли.
- Давай посмотрим с недельку, – сдался Мансур, – если в их рядах новой брешки не появится, соглашусь с тобой.
- Неделю, говоришь?
- Одну неделю.
- А если я прав? Мы время потеряем!
- Согласен с тобой, Давид. Хорошо бы сработать на опережение, – предложил Саркис. – Что решил?
- Народ у нас есть. Список их круга у нас тоже есть. Приставить к каждому наружку и проследить – нет ли рядом подозрительных личностей.
- На что внимание обращать?
- На все! Косой взгляд, случайный контакт. Я где-то читал... или рассказывали... можно к коже листом дерева прикоснуться или газом каким прыснуть, и через неделю труп. И не определить, от чего загнулся.
- Слишком заумно говоришь! Варм взорвался в машине, этот в бетонную стену влетел, всю морду своему джипу разворотил. И самого по косточкам не собрать, и телку всмятку.
- В том-то весь колленкор! Скажите всем своим, всем! – сжал кулаки Давид. – Самому последнему попрошайке, мойщику машин, мусорщику скажите – пусть во все глаза смотрят и во все уши слушают. Надо нам этого Чистодела раньше их найти и на себя работать заставить. Или на перо его!

Глава 7. В «Центре»

Убедившись, что работа выполнена чисто, Грин вывел «хонду» на объездную дорогу. В этот поздний час движения трассе почти не было и он легко убедился – никакой слежки за ними нет.

– Домой? – спросил у Джулай.

Девушка, вцепившись в ручку двери, напряженно и не мигая смотрела на дорогу.

– Остановись где-нибудь, – попросила она ставшим враз деревянным голосом.

Грин послушно свернул в карман у лесополосы, заглушил двигатель и выключил фары.

– Устала?

– Соскучилась, – ответила девушка и, охватив шею Грина, прильнула к его губам.

Редкие машины высвечивали их сплетенные тела, кто-то просигналил одобрительно, но в основном проезжали молча.

Джулай все никак не могла насытиться.

– Ты оторвешь мне губы, – наконец смог вздохнуть Грин, целуя ее нос и щеки.

– Я съесть тебя готова, – рычала Джулай. – Всего, без остатка и прямо здесь!

В ее порыве было и возбуждение от выполненной работы, и действие препарата, и долго удерживаемое внутри чувство.

– И ничего на завтра не оставишь? – спросил он.

Оба рассмеялись, разряжая обстановку, и вновь Джулай охватила его шею.

В Центр они вернулись часа через полтора.

Доктор Фаусто и мисс Крэйд привычно дежурили в лаборатории. Они уже знали новости – радио, настроенное на волну полиции, выдавало в эфир самую свежую информацию.

– Как ты? – взяла девушку за руки Крэйд. Ее профессиональный взгляд пробежал по лицу, остановился на зрачках, а пальцы рук ловили малейшие импульсы, исходящие от ее тела. – Пульс ровный.

– Я себя прекрасно чувствую! – немного возбужденным голосом заверила Джулай. – Сейчас упаду в кровать и до утра без задних ног. Вы, главное, утром меня не будите!

– В кровать – это хорошо, – похвалила мисс Крэйд. – Но реабилитацию никто не отменял.

– Давайте хоть раз попробуем обойтись без нее! – чуть ли не ультимативно попросила Джулай. – Я в норме! Пусть мистер Грин скажет!

– Никто с тобой и не спорит, – мистер Грин оказался не на ее стороне. – Но правила для всех одни. Сегодня тебе поблажку дадим, завтра еще кто попросит. А последствия? Кто может их просчитать?

Джулай смотрела на него с полным непониманием и глаза ее остекленели.

– Что... ты... сказал?

Обстановка накалялась.

– Ты нам нужна и сегодня, – взял ее за руку доктор Фаусто. Его волшебный голос действовал гипнотически. – И завтра нам без тебя не обойтись, и на многие-многие годы вперед.

Джулай мгновенно расслабилась, как воздушный шарик, в котором проделали дырку. Сонная поволока накрыла ее глаза. Вот она послушно идет по коридору, ведомая доктором, садится на кушетку.

Доктор ни на минуту не умолкая, нашептывает ей на ушко свои знаменитые аутотренинги, гладит пальцами маленькую ладонь. Голова девушки клонится на грудь.

Он неуловимо кивнул мисс Крэйд. Мистер Грин уже закатал рукав Джулай.

Укол, обмякшее тело девушки вытягивается на кушетке. Заботливые руки мисс Крэйд продолжают свою работу.

Это был не бунт исполнителя, это привычная для них реакция на большую дозу в самой мягкой из возможных форм агрессии.

Датчики облепляют тело девушки.

Теперь всем можно расслабиться и идти спать.

Данные наблюдения можно было бы отнести к разряду чисто женской солидарности, но мисс Крэйд уже не первый раз обратила внимание доктора Фаусто на такой факт: девушки в их группе легче переносят предельные дозы препарата. И усиление у них больше, и выход из перегрузки, даже при несрабатывании блокировки, мягкий. И пока никто еще из них не был «утилизирован».

Та доза, которая вывела из работы Тома, оказалась безболезненной для Джулай. Она, после успешно выполненного задания, даже не хотела лечь в клинику на реабилитацию.

И вот сегодня, когда все показатели, снятые с Джулай, очередной раз подтвердили верность ее наблюдений, она вновь завела ставший уже навязчивой идеей разговор.

Они сидели с доктором в его кабинете и обсуждали перспективы новых игроков.

– Может, нам упор на девочек сделать? – мисс Крэйд «случайно» положила на стол две тонкие папки новых претенденток.

Доктор просмотрел их внимательно, положил на стол со своей стороны.

– Я изучу их, – пообещал и тут же пошел в атаку. – Вы считаете, что опыты с Джулай и Салли можно сворачивать?

– По Джулай – да. Она понятна и предсказуема, нет ни одного выхода за границы очерченного.

– Салли?

– Сэр! – напомнила Крэйд. – Салли через месяц заканчивает школу и вот-вот уйдет от нас в свой дом! Вы же сами давали мне задание!

– Уйдет в свой дом, это так, – разделяя слова, проговорил доктор Фаусто. – Но не в свой мир. Никто не мешает продолжить работу нам с ней, а ей с нами.

– А как же ваша идея о законсервированных агентах? Вы от нее отказываетесь?

– Всему свое время, мисс Крэйд, – доктор опять был мягок и внимателен. – Мы еще не прошли первый этап в нашей работе, а вы так спрашиваете с меня, словно мы уже закрепились на третьем. Что можете сказать о них, – кивнул на папки, – помимо отчета?

– Лионора и Элейн. Обе пока на втором уровне. Они -лучшие из группы. Неплохие предпосылки, – нахваливала мисс Крэйд.

– К чему у них предпосылки?

– У Элейн рентгеновское зрение, видит любой орган при непосредственном контакте. Лионора легко воздействует на внутренние органы. Правда, тоже при непосредственном контакте. Но это на ноль-третьем! Я не прошу за их включение в отряд. Но, разрешите, наконец, попробовать ноль-четвертый?

– Ноль-четвертый для Элей разрешаю. Экспериментируйте. А вот Лионора... У меня на нее свои планы, мисс Крэйд. Пожалуйста, берегите ее.

* * *

Свои первые ночи на новом месте Лайм и Утр провели не в обещанной им личной «камере» №14, а в сверкающей белизной и чистотой палате клиники.

Сегодня в их представлении о медицине произошел переворот. Такое прежде они видели только в кино, словно на космической станции побывали! Кабинеты, заставленные неземным оборудованием, сканирование головы и туловища, мгновенный анализ крови и слюны, проба на ДНК.

Началось все с рентгена. Затем по кругу: глаза, ухо-горло, зубы; хирург, психолог, терапевт. Медицинские карты быстро заполнялись емкими записями, результатами анализов и кардиограмм.

Никакого стояния в очередях, скрипа и визга изношенного оборудования, покрикиваний раздраженного персонала и въедливых больничных запахов. Все вертелось вокруг них, словно они сегодня – центр вселенной и самые полезные люди на свете. Последней на их необременительном пути встала мисс Крэйд.

– Вау!

Оба подростка разинули рты и сглотнули слюну – как она красива в этом атласном халате! Какая улыбка! Нога на ногу. И это все им!?.

– Садитесь, – дружески подмигнув, пригласила она ребят. – Что там у вас со здоровьем? – она бегло просматривала их карты.

– Здоровы, как коровы, – пошутил Лайм.

– Быки! – толкнув друга в бок, поправил Утр. – Мы не коровы, мы – быки.

– Скорее уж кони, – внесла свое предложение мисс Крэйд.

– Согласны.

Она уже все про них знала: данные исследований высвечивались на экране ее компьютера. А затеянный ей, якобы, просмотр папок был нужен лишь для того, чтобы понаблюдать за Лаймом и Утером и составить о них своё представление.

Мисс Крэйд отложила медицинские карты, встала и зашла к ребятам со спины. Ее тонкие пальцы перебирали их шевелюры.

– Красивые у вас волосы, – похвалила она.

Утр дернулся недовольно, а Лайм покрутил головой – ему явно нравились эти прикосновения.

– Знаете ли вы, что такое педикулез?

Оба подростка одновременно опустили глаза на свои брюки и резко посмотрели друг на друга.

– Нет-нет, это не там! – приятно засмеялась она и слегка хлопнула ладошками по затылкам. – Вошки у вас, молодые люди! По-научному: педикулюс хуманус капитис!

– И что? – от столь длинного и мудреного названия маленькие грызущие существа вмиг стали огромными и страшными.

– Я и говорю, – красивые у вас волосы, – повторила с сожалением мисс Крэйд. – Стричь наголо – жалко. Когда еще новые отрастут.

– А если не стричь? – попался Утр.

– Тогда лечить.

– Уколы?

– Ага! – и опять забористый необидный смех. – В каждый волос по одному уколу. Или каждой пойманной вошке? Выдержите?

Пока Утр и Лайм переглядывались, мисс Крэйд прошла на свое место и спросила.

– Вы вообще про какое-нибудь лечение кроме уколов знаете?

– Таблетки нам в приюте давали, – вспомнил Лайм. – И в ухо что-то закапывали.

– Вы нас правда наголо не подстрижете? – спросил просительно Утр.

– Я ж сказала – выбирайте. Хотите быстро? Нет проблем – раз бритвой под корень и – здоровы. Только мазью лысину помажем да касторкой угостим, – с чувством юмора у мисс Крэйд было на том еще уровне.

– А если не хотим?

– Мы, вообще-то не торопимся, – в унисон мисс Крэйд поддержал друга Лайм. – У нас тут прописка на неделю.

– Ну, так долго вас тут держать не будем, нечего от занятий отлынивать, – погрозила пальчиком мисс Крэйд. – А вот ночки две-три переночуете, чтобы заразу по школе не разносить.

– И вы нас вылечите?

- Обязательно.
- Как? – недоверчиво смотрел Утр.
- Очень просто! Прикажем вошкам построиться в шеренгу по одному, возьмем за руки и выведем через порог. А там веником в совок и готово!
- Не, ну, правда, как?
- Ты чего-то боишься?
- Не люблю ваших лекарств.
- Ну, дорогой мой! – развела руки мисс Крэйд. – Лекарства – лучшее из зол. Заодно и кожу вашу в порядок приведем.
- Еще и кожу?
- У тебя, Утр, сыпь на спине и шее, у Лайма между пальцами ног кожа мокнет. Я вам обещаю, через три дня будете как новенькие!
- Скукота... Похоже, плакали компьютерные игры, и телевизор плакал.
- Мисс Крэйд словно прочитала их мысли.
- И компьютер, и телевизор, и даже тренажер есть здесь. Что-то рядом, в физкабинете или в комнате отдыха, что-то в вашей палате.
- Правда?
- Вопрос госпитализации был решен.
- Они даже спали теперь, подключенные к датчикам. Для спокойного сна мисс Крэйд проводила им сеанс аутотренинга и надевала наушники. Ночь напролет звучала приятная музыка и гипнотизирующий мягкий голос доктора Фаусто.
- Через три дня, как и обещали, их перевели в комнату номер четырнадцать, только теперь на табличке значились их имена: ЛАЙМ и УТР.
- К концу недели они полностью влились в коллектив, перезнакомились со всеми воспитанниками и мечтали только об одном: чтобы мистер Грин не напомнил им о пари, которое они когда-то по глупости заключили.
- Кроме обычных уроков обычной школы здесь были обязательные занятия спортом, языками, плавание в бассейне, работа, именно, работа, а не игра на компьютере, и ежедневное, без перерывов на выходные, трехчасовое обследование в клинике.
- У ребят задержки в физическом развитии примерно на два года, – обсуждали результаты исследований мисс Крэйд и доктор Фаусто. – Сказывается отсутствие полноценного питания.
- Надо восполнять потери организма.
- Да, сэр. Мистер Грин проработал для них программу, но, сами понимаете, в неделю и месяц этот пробел не восполнить.
- Что по нашим делам?
- Я проколола по первой схеме, – щелчок клавиш и на экране всплыли графики. – Утр очень хорошо реагирует на В-2. Устойчивое удержание энергии в течение сорока шести минут. Спад наполовину к тридцати двум.
- Переносимость?
- Никаких последствий не обнаружено.
- Вероятность проявления?
- Думаю, – огненосец, – голос мисс Крэйд упал. – Как наш Том.
- У Тома при этой дозировке, помнится, реакции вообще не было, так?
- Да, сэр, – подтвердила мисс Крэйд. – Этот мальчик посильнее будет.
- Файербол, – задумался доктор. – Давненько у нас не было такого материала. – В голове доктора уже просчитывались варианты использования Утера.
- И мистер Грин такого же мнения, сэр. Мне не терпится попробовать увеличить дозу.

– Пока не спешите, мисс Крэйд, – посоветовал доктор. – Попробуем подержать его на первой схеме еще недельку. Пусть привыкнет, окрепнет.

– У меня ощущение, что в нем есть внутренний резерв. Вот здесь, – карандаш указал на синюю линию, – должно идти плавное снижение к начальным параметрам, а мы имеет скачок. Словно включился генератор внутри его организма.

– Но это только на одном графике?

– Нет, сэр, – мисс Крэйд щелкнула клавишей. – Это началось с определенной дозы препарата и повторилось уже два раза.

– Пробуждение рефлекса?

– Пока рано делать выводы, сэр.

– И все равно, обнадеживающие результаты.

– По второму, – переключила мисс Крэйд картинку на экране.

– Лайм?

– Да, Лайм. У него препарат В-2 не вызвал никаких реакций.

– Совсем?

– Он физически слабее Утера и доза была меньше. Вот точка ввода препарата и графики.

– Изменился только пульс, – читал данные на экране доктор, – с 62 на 66, но кратковременно.

– А это реакция на О-3, – перешли к другой картинке.

– Дозировка?

Мисс Крэйд показала схему.

– Ощущения?

– Резь в глазах и раздвоение изображения.

– Стереозрение?

– По его описанию происходит не только раздвоение, но и наложение рисунка.

– Вывод?

– Это не стереозрение, доктор. Это 3D зрение. Он способен улавливать отражение света и видеть предмет как бы со спины. Словно смотрит одновременно с трех-четырех точек.

– Как вы фокусируете?

– Не я, сэр, – поправила мисс Крэйд, – он.

– У него есть объяснение?

– Он говорит, – это как в музыке. Он слышит весь оркестр, но, стоит ему расслабиться, способен улавливать отдельно каждый инструмент, каждую его ноту, не теряя общего звучания.

– Знакомое ощущение.

– Я ставила перед ним обычный детский кубик, только размером со стул. На каждой грани цифра. В поле прямого зрения только одна грань. Он мне перечисляет все остальные цифры. Сразу, без задержек и заминок.

– И нижнюю?

– Нижнюю он не видит, нижнюю высчитывает по аналогии.

– У всех кубиков определенный порядок нанесения цифр, – напомнил доктор. – Об этом не думали?

– Думала, – сменила картинку на экране мисс Крэйд. – Вместо цифр на грани кубика я наклеила слова. Законченное предложение. «Лайм быстрее чем Утр читает книгу». Он прочитал его!

– Какое слово было внизу?

– «Читает».

– Угадал?

– Домыслил. Он это воспринимает как игру и готов забавляться часами.

– Интересно-интересно, – сказал доктор. – Только я пока не вижу практического применения этим его возможностям.

– И я не вижу, – призналась мисс Крэйд.

– В моей практике такое впервые.

– Мы только в самом начале исследований, сэр, – напомнила мисс Крэйд. – Кто знает, что в нем еще сокрыто, если доза препарата будет увеличиваться?

– Поживем-увидим.

Глава 8. Распределение квартир

До окончания школы этим двоим, Макс и Салли, осталось менее месяца. Занятия уже почти закончились, через неделю выпускной, потом экзамены и прощай «Центр» доктора Фаусто.

Их вызвали в администрацию на четырнадцать часов.

По закону каждому из сирот полагается жилье – квартира или комната. Как город расщедрится.

Нарядные и в прекрасном настроении пришли они в здание администрации. Поднялись в кабинет на четвертом этаже: здесь сейчас будет решаться их судьба.

Две женщины предпенсионного возраста, бывшие учительницы, а теперь работники органов опеки, разложили на столе папки с личными делами Макса и Салли. Их даже не пригласили сесть. Зачем? Не велики персоны, и постоять могут!

– Мы проверили ваши документы, – распираемая значимостью, начала первая дама. – Все справки вами предоставлены.

– Анкеты заполнены, – подхватила вторая дама. – Копии паспортов сделаны.

Дамы четко дополняли одна другую, словно репетировали месяцами – они ни разу не сбились и не ущемили друг друга ни в едином слове. Салли казалось – перед ними одна, но говорящая разными голосами. А Макс – разведи сейчас их по разным комнатам, они не смогут по отдельности говорить внятно и целостно: так и будут произносить каждая свой текст своей маленькой роли.

– Значит, нам выдадут ордера?

Салли четко следовала инструкциям доктора Фаусто, – не угождать, не изображать умильную улыбку, не благодарить дам. Они не просители – они: «пришли за тем, что положено по закону. И это не подарок от города, как попытаются это подать ответственные работники, – это всего лишь выполнение государством своих прямых обязанностей».

– Бесспорно, молодые люди! – сказала дама. – Наше государство и администрация города заботятся о вас!

– Мы сейчас примем решение, – включилась клонированная. – Точнее, решение уже принято.

Говорили дамы так, словно это они лично, по своей природной доброте и от распирающей их щедрости, решили облагодетельствовать попрошаек Макса и Салли.

– Вот распоряжение на ваш счет. Ордера готовы.

Дама помахала в воздухе полосками листов с большой фиолетовой печатью.

– Остается только вписать ваши фамилии, молодые люди! Что мы сейчас и сделаем.

– Только вот вице-мэр подойдет сейчас и вам торжественно...

– А где квартиры? – спросил Макс.

– Да-да! – встрепенулась дамочка. – Вот, возьмите, буклет. Новый дом, хороший район, с ремонтом!

– А мебель, насколько мы знаем, вам ваш доктор Фаусто обещал, – предупреждая просьбы, ввернула клонированная. – У нас есть его гарантийное письмо.

– Да! – подтвердила Салли и передала им слова доктора. – И мебель, и пособие на обустройство нам в Центре выдадут.

– Как хорошо, молодые люди, начинать свой путь со своего угла, – закатив мечтательно глаза, предалась размышлениям одна дама. Ее диалог явно выходил за рамки отрепетированного действия и потому звучал по-человечески добрым. – Вот я, помнится, после института пришла на работу, так нас, четверых учителей с высшим образованием! – намеренно усилила

она свой давнишний статус, – в общежитие засунули! Маленькая комната на всех. Стол для проверки тетрадей по очереди делили! Вот как было!

– И я тоже в общежитие, с ребенком... – встряла вторая дама. Но ей не повезло, она не успела так задушевно рассказать свою повесть про невероятно трудные годы.

В кабинет вошел кругленький мужчина в дорогом костюме и не менее дорогом галстуке. Майская жара плохо действовала на него, – он беспрерывно вытирал платком толстую шею и лысину.

– О чем вы? – резко и бесцеремонно спросил от порога низким голосом.

Обе дамочки, неуклюже двигая тяжелые бедра, оттолкнули стулья, встали из-за стола и замерли, преданно заглядывая в глаза важному чиновнику.

– Вот, – заикаясь, сказала первая. – Это Макс и Салли. Они пришли...

– Из центра доктора Фаусто, – привычно дополнила вторая. – По квартирам.

Колобок уже добрался до стола и стоял, опершись на него таким праздничным истуканчиком.

– А это, – повернулась к подросткам дама, – наш первый заместитель Мэра. Он заведует жильем, и он дарит вам эти замечательные квартиры.

Заместитель Мэра, известный нам по предыдущим главам как Первый, посмотрел на подростков, увидел в руке Салли буклет и вырвал его.

– Что это? – спросил он у дамочек.

– Мы показали дом...

– В котором вы... им... обещали...

– Куда вы торопитесь? – рыкнул он.

– А разве вчера вы нам?..

– Я ничего вам не говорил! – встал он перед столом и придавил его своими толстыми короткими руками. – И вообще, мы должны соблюдать закон. А закон что нам говорит?

– Что? – в голос спросили оробевшие дамы.

– Что мы, город, обязаны!

Палец взлетел выше головы, но держать руку в таком положении ему было неудобно; и теперь палец уперся в его грудь.

– И мы, город! не отказываемся! Так?

– Так.

Запас важности был исчерпан и Первый, привычно поробовав платком, сказал уже обычным для него тоном.

– Вы, молодые люди, как там их? Макс и Салли? Правильно?

– Да, сэр.

– Подождите в коридоре! Мы сейчас кое-какие вопросы решим, недоразумения, понимаешь ли, утрясем, и вас позовем. Давайте, давайте! – он бесцеремонно развернул их и подтолкнул к двери. – Нам работать надо! Для вас, кстати! Для таких маленьких, незаметненьких, такие большие люди стараются!

Вот и сидят они в коридоре, рука в руке, и ждут, когда их опять позовут и чем-нибудь обрадуют.

– Как по написанному, – шепнул Макс.

– Точно, – улыбнулась Салли. – Доктор нам почти дословно всю их комедию описал.

– Слушай! – приложил палец к губам Макс и в глазах его вспыхнул огонек, – сейчас самое интересное начнется!

А за стенкой шел оживленный спор.

– Такое дело, – начал с самого начала Первый. – Мэрия, согласно распоряжению правительства, выделила две квартиры в новом доме.

– Ой, так мы им так и сказали! Видели бы вы, как у них глаза загорелись!

– Кто вас раньше времени за язык тянул, а? – разозлился Первый. – Я вам это поручал?
– Нет, но вы... вчера... Вы задержались, а они вовремя пришли...
– Мы думали, вопрос уже решенный... И решили порадовать деток. Сироты же!
– Квартиры, как вы понимаете, куплены за счет городского бюджета! – нависал над ними тучей Первый. – Оторваны, можно сказать, от живой очереди! Кто-то более достойный, ваши, кстати же, коллеги, – педагоги! уступили им право очереди. А ведь там много заслуженных, и с детьми, и годами в очереди стоят. Какие мнения?

– Ну, постановление правительства... Это же другая статья расходов... деньги из федерального центра! – позволила напомнить дама.

– А чисто по-человечески? – нахмурил брови Первый и пустил в ход свой платок.

– Мы что-то не совсем...

– Вы объясните... мы пойдем...

– А кто только что лил им в уши про свое трудное детство? Как в общезнании... с ребенком?

– Так время такое было...

Первый махнул рукой и приказным тоном сказал.

– Есть такое мнение, – он показал пальцем наверх, намекая – где он почерпнул это мнение. – В районе молочного завода есть квартал.

– Но там же старое жилье! – возмутилась дама. – Стены вываливаются!

– Там сотни людей живут! Тысячи! – напомнил им Первый. – С семьями, между прочим!

– Дети же, – робко вставляет дама.

– А там, что, без детей? Еще как с детьми! Даже с грудными!

– Но мы им уже сказали...

– Это ваши проблемы! – переложил на дам груз ответственности Первый. – Как сказали, так и перескажете.

– А что у молочного завода?

– Там у меня есть двухкомнатная квартира... – ненароком проболтался Первый, – вот ее им... а эти две я сам... в порядке живой очереди... отдам нуждающимся, но более достойным.

– Но как же! – совсем потерялись уважаемые дамы. – А постановление правительства?

– А отдельное жилье?

Первый достал из кармана по тоненькой пачке денег и положил перед каждой дамой.

– Здесь вам премия. По месячному окладу. А это ордер на квартиру. Готовьте новое распоряжение.

Дамы чисто интуитивно дернулись к деньгам, но вовремя отстранили руки.

– Берете или вам не нужно? – в открытую усмехнулся Первый. – Я ведь могу другим отдать, а вас с почетом на заслуженный отдых. Как вам такая идея?

Обе пачки быстро исчезли со стола.

Первый бесцеремонно взял ордера, предназначенные сиротам, положил их в карман.

– Завтра готовые документы ко мне на стол. Мэр их сразу подпишет.

Дверь распахнулась.

Макс и Салли поднялись.

Первый деловой походкой, даже не взглянув на подростков, вывалился в коридор.

– Ты к бабам, я за этим, – сказал Макс и, дождавшись когда Первый отойдет на десяток шагов, пошел за ним по гулкому коридору.

Салли вошла в кабинет и вплотную подошла к столу.

Дамы, пряча друг от друга глаза, бодрым голосом объявили.

– Город любит своих детей.

– Учитывая, что вы воспитывались в интернате, и у вас нет родителей.

– Вам выделяется двухкомнатная квартира. Надо расписаться здесь и здесь.

– А в понедельник придете за готовыми ордерами.

Салли с интересом рассматривала дам, переводя сосредоточенный взгляд с одной на другую.

Вдруг одна из них, более слабая, затряслась мелкой дрожью и сползла на пол. Из рта ее потекла пузырчатая белая пена.

Салли перевела взгляд на вторую даму.

У той раскрылся рот и выкатились глаза.

– Не надо... я... – дрожащей рукой она протягивала девушке только что полученную премию.

– Еще!

Дама наклонилась к карману подруги, не отрывая взгляда от Салли, нашарила деньги.

Салли взяла вторую пачку денег и спросила, презрительно посмеиваясь.

– Когда за ордерами прийти? Я что-то запамятовала!

Дама не ответила. Только густая слюна безобразно капала на ее белоснежное жабо.

– А, я вспомнила! В понедельник! Так же, к четырнадцати часам?

Дама безвольно кивнула.

– Не забудьте, пожалуйста. Две квартиры в новом доме! Иначе будет как с ней! – показала пальцем на дергающуюся на полу даму.

Первый шел по коридору, разговаривая сам с собой.

– Вовремя я пришел! Эти дуры готовы все раздать налево-направо. Натe, не свое, не жалко! Две квартиры, две новых квартиры какой-то шантрапе без роду, без племени!? Мало им, что государство их кормило, пило, одевало-обувало! Им еще и жилье подавай. Ничего, проживут в дощатых бараках. А эти ордера, – погладил карман, – я найду, кому передать!

Настроение его враз испортилось, словно, как в студенческие годы, клопа раскусил. Гнетущая тревога поселилась в нем, он явственно почувствовал – страшная опасность упирается в спину и вот-вот прожжет ее.

Первый оглянулся.

За спиной ни одной живой души.

Он ускорил шаг. Но, чем быстрее шел, тем сильнее нарастала тревога.

Он уже бежал, выбрасывая все из карманов, стягивая на бегу пиджак. А люди, идущие навстречу, шараялись от него и от его обезумившего взгляда.

Перед лифтом он не повернул влево, на лестницу, не повернул вправо, чтобы по фойе пройти в другое крыло, к своему кабинету, а, страшно закричав, прыгнул как в воду бассейна через ограждение вниз, блестящей как шар головой на бетонные плиты.

Спускаясь по лестнице здания администрации, Салли аккуратно перешагнула через окровавленное месиво теперь уже бывшего Первого.

Макс ждал ее на улице.

– Мы при деньгах, – сказала, припадая к плечу Макса.

– И при наших ордерах, – похлопал себя по карману Макс.

Но радовались они своей удачи недолго.

– Мы подошли к черте, за которой начинается точка невозврата. Или они вот-вот сдадутся, или начнут войну против нас. Вы понимаете, что подставили всех? – спросил доктор Фаусто.

– Чем?

– Вы засветились!

– Как они найдут нас? Лично меня никто не видел, – оправдывался Макс.

– Что в твоём понятии «не видел»?

– Не видел и всё! – хорохорился Макс. – Что тут еще говорить?

– Там не дураки сидят! – доктор только развел руками и посмотрел беспомощно на мистера Грина. Тот кивнул и взял инициативу на себя.

– Вся наша работа построена так, чтобы никто, даже косвенно, не посмотрел в нашу сторону. В чем вы провинились? Объясню. Вам назначена встреча. Это зафиксировано во многих бумагах и справках. Минимум трое человек вас не просто видели, а имели с вами контакт.

– Два, – поправил Макс.

– Нет, три! – ткнул его носом Грин. – Две дамы из опеки и секретарь в отделе.

– Ну да, – сник Макс.

– Даже если вы со всех сторон чисты, вы попадаете в разработку. Поймите! Пойдут по цепочке: где он был, с кем и о чем говорил, кого обидел! Вас и искать не надо – вот они, с копиями паспортов, со всеми установочными данными! А через вас прямая дорога к Центру.

– Что они докажут?

– Для нас уже одно то, что мы попали в разработку – опасно. Да, можно лечь на дно. Можно прекратить активную работу. Но пятно уже есть и при каждом новом случае взор непременно будет обращен, в том числе, и в нашу сторону.

– Этот толстяк – такая сволочь, – попробовала оправдать Макса Салли.

– Там все такие! – растягивая слова, сказал Грин. – Но у каждой птички свой час для песни! Пришла бы и его очередь!

– Вас подробно проинструктировали – что будет и как будет, – доктор говорил как всегда негромко и успокаивающе. – Мы ни в чем не ошиблись, не потому, что хорошо гадаем, а потому, что основательно готовимся к каждой операции.

Грин сегодня был строгим следователем.

– Что вы нам принесли? Деньги! Зачем?

– Пригодятся, – промямлила Салли.

– Далее – ордера! Зачем? Они итак были бы ваши. Пусть, не сегодня, – через три-четыре дня! Пацанство! Хвастовство! Неумение соблюдать дисциплину!

Макс и Салли стояли, крепко сцепившись руками. Да, они поняли свою ошибку, и не сейчас, когда их распекают, а еще там, около администрации, когда немного пришли в себя и к ним вернулась способность размышлять.

– Что мы можем сделать, чтобы исправить ошибку? – подняла глаза Салли.

– Ничего не сделаете, – расстроил их Грин. – Это уже не ваш уровень.

– Я готов искупить любой ценой, – закрыл собой Салли Макс. – Это моя вина.

– Наша, – не уступала девушка.

– Героизм нужен там, где мозгов не хватает, – напомнил доктор.

– Ну, так давайте думать! – топнул Макс ногой.

– Уже подумали, – успокоил его мистер Грин. – Там сейчас работают мисс Крэйд и Джулай.

– Почему они? – возмутилась Салли – вместо нее послали Джулай и это ее задело.

– Потому, что они умеют быть невидимыми, – пояснил доктор. – Они поправят память у дам.

– Будем надеяться, что успеют, – сказал Грин.

Возникла пауза. Каждому было о чем подумать.

– Вы нас отчислите? – нарушила тишину Салли.

– Если мы задумаем с вами что-то сделать, вы об этом никогда не узнаете, – напомнил мистер Грин.

– Это понятно. Просто... хотелось бы... пока мы еще в памяти... знать.

– Что?

– Доверяете ли вы нам по-прежнему? – спросила Салли.

– Есть ли у нас хоть какой-нибудь шанс остаться в команде, – спросил Макс.

– А вы сами как думаете?

– Не знаем.

– Вы – боевая группа, вы – в команде и заменить вас пока некем, – в словах мистера Грина угадывалась надежда. – Сейчас идете в клинику на профилактику. А после профилактики переводитесь временно в резерв.

Глава 9. Первый сигнал

У доктора Фаусто была удивительная способность. В любой ситуации его мозг с необычайной скоростью анализировал даже скудный объем поступившей информации, домысливал ее, умел находить даже в минусах положительные стороны и использовать их. И сейчас, когда Макс и Салли явно вышли за рамки своего задания, доктор был единственным в команде, кто думал не о наказании провинившихся, не о способах минимизировать потери, а о том, как и этот просчет исполнителей обратить в свою пользу.

Отправляя очередную группу на задание, он уже не гадал или предполагал, он точно знал – что надо сделать, и потому его инструкции были просты и понятны.

Мисс Крэйд и Джулай оправдали доверие доктора, – они сделали свою работу чисто и незаметно. Теперь оставалось только ждать – какие результаты принесет эта операция по запутыванию следов.

По новой версии, накрепко вбитой в головы трех свидетельниц, выходило, что в органах опеки ждали Первого с ордерами для торжественного вручения их детям-сиротам, но он, по какой-то причине, не пришел. А теперь вот выяснилось, что не дошел.

Ордера в числе прочих бумаг и вещей, разбросанных по коридору бегущим первым заместителем мэра, нашлись скомканными. Кроме злополучных ордеров в числе бумаг Первого оказалась еще одна – вырванная страница из блокнота.

На эту страницу и делал главную ставку доктор.

* * *

Тело Первого увезли в морг, следы на гранитном полу тщательно замыли. Рабочий день чиновников к этому времени закончился и мэрия быстро опустела. Но в этом кабинете на последнем этаже здания администрации настоящая работа только начиналась.

Сегодняшний состав отличался от того, что мы видели в начале повествования: мэр, его второй зам, любимый и единственный зять – с одной стороны стола; начальник отдела региональной безопасности, прокурор, глава полиции, составляющие силовой блок властной группировки – со второй стороны.

За наглухо закрытыми дверями они переставали быть начальниками и подчиненными, – они были друзьями, братьями, поделившими между собой все ключевые посты в этом городе. Они были одной семьей, одной командой. Не просто управляли, они еще и владели этим городом, превращенным ими в доходную вотчину. И, естественно, всеми силами государственной машины, отданными в их распоряжение, надежно охраняли свои бесценные жизни.

Правда, сегодня за большим столом в мэрском кабинете опустело еще одно кресло.

– Помянем, – предложил Мэр и любимый Зять, как самый младший здесь и по возрасту и по должности, разлил коньяк в семь рюмок.

Шесть взлетели, не чокаясь, и опрокинулись, седьмая осталась нетронутой.

Пауза затянулась. Зять понял ее по-своему и разлил по второй.

Народ начал оживать.

– Что твои оболтусы раскопали? – спросил не очень веселый Мэр у главного Безопасника. – Нашли какие-нибудь следы?

– Следы чего? – удивился странности вопроса тот.

– Ну... – смутился Мэр, потому что сам увидел бессмысленность своего вопроса и перевел взгляд на главного Полиция. – Какие тут могут быть следы? Или, как там у вас – версии?

– Если вас интересует – скинули его или он сам прыгнул, – как школьникам объяснял Полиция, – ответ однозначен – сам. Есть свидетели, чьим показаниям нет оснований не доверять. Есть кадры с камер слежения – на них полное подтверждение слов свидетелей.

– Но что-то же заставило его? – не унимался Мэр. Ему по его внутреннему состоянию, надо было непременно знать всё и сейчас, иначе гнетущая тоска не отпустит.

– Простите, – холодно ответил Полицай, – но в мозги человека, тем более уже... не совсем живого, я влезать не умею.

– Ищите! – выпрашивал Мэр. – Хоть что-нибудь определенное! Нельзя же в неведении жить?

– Ищем, – попробовал успокоить Полицай. – Мои ребята землю носом роют. Может, из морга что расскажут.

– Яд?

– Почему именно яд? – уточнил Прокурор. – Какой-нибудь транквилизатор.

– По характеру поступка, по методу исполнения высока вероятность психического фактора. Может, кто из вас что слышал? – спросил Безопасник.

– Что?

– Ну, скажем – ссоры с коллегами.

– Откуда?

– Нелады в семье?

– Там все ровно.

– Угрозы?

– Кто нам вообще может угрожать? – вскинулся Второй. – Ты думаешь, что говоришь?

– Так уж и никто? – с иронией спросил Прокурор.

– Объяснись! – потребовал Второй.

– Мало у нас врагов в городе?

– Ты давай без намеков! – попросил Мэр. – Не то время выбрал!

– Какие намеки? – теперь возмутился Безопасник. – Вы по сторонам посмотрите? Что вокруг нас происходит!

– А что происходит? – проснулся Зять.

– Он у нас первый? – задал вопрос Безопасник.

– Он – Первый! – повысил голос Мэр. – И, если ты уже забыл, то я напомним: он Первый мой заместитель и еще три часа назад именовался и мной и вами не иначе, как Первый!

– Не об этом речь! – с нажимом сказал Прокурор.

– Ну, так выражайтесь яснее!

– Хорошо! Если вы до сих пор ничего не поняли, выражусь яснее! – Безопасник нахмурился. – Он не первый среди жертв. Он за месяц уже третий!

– Варм и он, – посчитал Мэр. – Двое.

– А сын? – напомнил Полицай.

– Сына моего ты тоже в этот ряд ставишь? – спросил отец.

– А ты, наивный, считаешь, что он отдельной строкой идет?

– Но ведь там доказано – дефект конструкции! – попытался защититься Мэр.

– А с Вармом что доказано? – напомнил Прокурор. – А с Первым?

– Вот мы сейчас и спросим – что с Вармом? – вновь послал вопрос Безопаснику Мэр.

– Мы провели самую тщательную экспертизу – никакого намека на взрыв. Нет следов ни одного из известных взрывчатых веществ.

– А неизвестные?

Это уже выходило за всякие разумные рамки. Который раз по одному и тому же кругу. Силовики хмуро опустили головы и ругались про себя.

– Новая, старая, задняя, рыжая взрывчатка, – закипая сказал Безопасник, – она следы взрыва оставляет! Механические! Вам это понятно? Вз-ры-ва! Пум! – он как первоклассникам показал руками. – А здесь ни-че-го!

– Ты, кажется, чего-то не понимаешь, – повысил голос Второй.

– Чего я не понимаю?

– В наших рядах дыра за дырой образуется! – показал на пустующее кресло и полную рюмку напротив его. – Вот чего!

– Взорвался бензобак. Если бы было даже неизвестное вещество, был бы след его воздействия. Но бензобак разорвало изнутри! Это даже теоретически исключает внешнее воздействие.

Мэр постучал карандашом по столу, успокаивая расшумевшихся братьев.

– Камеры что-то дали?

– К его машине с момента подъезда к администрации не приближалась ни одна живая душа.

– А неживая?

– С трех ракурсов есть качественная запись. Да и водитель не покидал машины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.